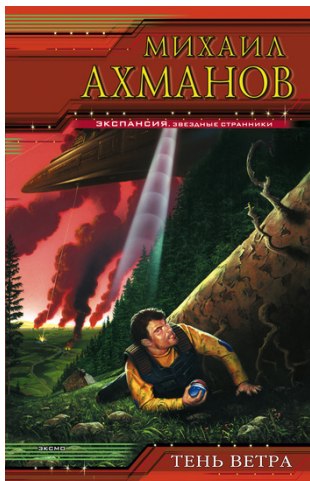

Михаил Ахманов
Тень ветра
Серия «Дик Саймон», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130425*

Аннотация

Далекие и неведомые миры всегда манили несчастных, измученных эмоциями и противоречиями, накопившимися на праматери Земле. Словно мощным неуправляемым взрывом разметало осколки человечества во время стихийной экспансии в Космос. Ждать ли нового взрыва или все проблемы экс-землян позади? Хорошо, что еще остались люди, ищущие ответа на этот вопрос, и один из них – ловкий и бесстрашный Дик Саймон, умеющий хотя бы на миг опережать своих коварных врагов.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Ахманов

Тень Ветра

Все события этого романа вымышлены – кроме войн России с Чечней, Британии с Аргентиной и некоторых других общеизвестных фактов, зафиксированных в хрониках Старой Земли и случившихся более четырехсот лет тому назад, до Эпохи Исхода.

Автор

Моему сыну посвящаю

Пусть в его Ожерелье Доблести не будет крысиных клыков и пусть, когда наступит его время, смерть придет к нему на рассвете.

Автор

ПРОЛОГ

Чочинга, Наставник воинов из клана Теней Ветра, был умудрен годами и опытом, и все его речи воспринимались Диком Саймоном как Поучения. Над ними стоило поразмышлять, ибо в каждом таился скрытый смысл, не всегда понятный Дику, – по причине юных лет и того, что сам Чочинга, не являясь в полном смысле человеком, рассуждал по-своему, не так, как люди Правобережья. Он говорил на языке тайят, аборигенов Тайяхата, и вначале Дику приходилось переводить его слова, заменяя примеры и сравнения иными, более знакомыми. Вскоре Дик овладел языком и начал лучше понимать Наставника, но эта привычка сохранилась, и многое из сказанного Чочингой он запомнил не дословно, а в вольном переложении на русский или английский.

Например, Поучение о ветре и его тени.

– Есть ли у ветра тень? – спрашивал Чочинга и отвечал: – Ветер всего лишь движение воздуха, он прозрачен, он – невидимка среди других природных сил, и нельзя узреть его ни днем ни ночью. В том отличие ветра от света и темноты, от потоков дождя и снежных вьюг, от солнечных и лунных лучей, от облаков, от молний и жаркого пламени, от земной тверди и текучих вод. Призрачным фантомом проносится ветер над землями и морями, и только клочья сорванной с волн пены, дорожная пыль да сухие листья, взметнувшиеся вверх, только рябь на воде, шорох трав и трепет древесных ветвей отличают его стремительный полет. Но это – последствия, а не причина; не сам ветер, а лишь его отзвук, видимый результат, порожденный действием незримой силы.

Да, ветер незрим, но не бесплотен. Он вызывает ощущение ласки или угрозы, то гладит, будто девичья ладонь, то встает непроницаемой стеной, то навевает прохладу, то обжигает огнем, то леденит, терзая холодными когтями. Ветер чувствуешь всем телом, ощущаешь его запах и вкус, слышишь голос. Многие запахи и вкусы и великое множество голосов, ибо ветер с равным усердием разносит ароматы цветущего луга и миазмы трясин, запахи камня и металла, живой и мертвой плоти, мокрой травы и раскаленного солнцем песка; на вкус он бывает сладким и терпким, соленым и горьким – смотря по тому, летал ли он в поле с медвяной травой, над жерлом вулкана, дышнувшим серой, или над океанскими водами. Столь же различны его голоса: умеет он щебетать и свистать, завывать и рычать, грохотать и шептать, реветь и звенеть, прикидываясь то певчей птицей, то разъяренным гепардом, играть на свирели, бить в барабаны и трубить в рожки. Таков ветер! И всякий звук и запах, рожденный в любой из щелей, куда способен он пролезть, проникнуть, прорваться, он подхватывает и

разносит всюду, добавляя новые ноты к мелодии всемирного оркестра, где сам он – и певец, и музыкант, и инструмент.

Он многолик и временами прикидывается робким тружеником, несущим облака, вращающим крылья ветряков, раздувающим лодочный парус; в такие мгновения он ровен и тих, либо силен и устойчив – и, казалось бы, не замышляет бунта. Однако не верь ему! Его терпеливое усердие обманчиво! Наступит время, и ветер превратится в ураган, нагонит тучи, переломает мельницы, потопит лодки и явит истинную суть свою – суть мятежника и сокрушителя, непокорного и дикого, не знающего преград, сомнений и сожалений. Хитрого, коварного мятежника! Он выберет самый удобный миг для нанесения удара, а до того будет красться, шептать, убаюкивать, напевать... Все, как положено великому обманщику, невидимому, но осязаемому, призрачному, но обладающему голосом, вкусом и ароматом, – по крайней мере в тот момент, когда он желает явить свое незримое, но грозное присутствие.

Однако коль присущи ему такие качества, коль способен ветер напомнить о себе касанием и вкусом, звуком и запахом, то отчего бы не иметь ему тени? Или хотя бы эха...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КРАЙ ДЕМОНОВ

ГЛАВА 1

– Дик! Нет ответа.

– Дик! Нет ответа.

– Ди-и-ик! Куда ты подевался, дрянной мальчишка? Ди-и-ик! Ди-и-ик!

Пронзительный вопль тетушки Флори летит над аккуратными домиками в шапках алых черепичных кровель, над палисадниками и дворами в цветущих яблонях и зарослях крыжовника, несется над берегом и городской окраиной, взмывает, отражаясь от древних кремлевских стен, над куполами собора, синими в золотых звездах. Еще пара таких рулад, и весь Смоленск сбежится на выручку Дику Саймону, гадая, чем же он сегодня отличился – затеял ли поход в баньяновую рощу, сунул ли нос в логова рогатых кабанов, наладился слезть по бельевой веревке с какой-нибудь из крепостных башен или искупаться в Днепре – но не в огороженных и безопасных заводах, а непременно там, где под крутыми берегами мечут яйца шестилапые кайманы.

Любая из этих затей считалась весьма опасной – и визит за Периметр к баньянам, где обитали мелкие, но свирепые кабанчики, и спуск с башен, сложенных из старого растрескавшегося кирпича, и купание в неположенных местах, где водились не только кайманы, а также гигантские хищные жабы и пресноводные спруты. Но разве мысль о риске и опасности способна остановить десятилетнего дьяволенка? Ну а в том, что Ричард Саймон сродни дьяволу, сомнений не было. Дьявол постоянно подзуживал его, однако он же и берег свое белокурое вихрастое отродье, так что всякая новая экспедиция обходилась без существенных потерь и лишь добавляла Дику славы в глазах мальчишек. Для этой буйной орды он, несомненно, являлся героем – что бы ни думали на сей счет родители да старшие братья.

– Дик! Ди-и-ик! Ди-и-ик! Где тебя носит, висельник?

Голос у тетушки Флори был резким и визгливым, как циркулярная пила, и вопить она могла часами. Когда терпение соседей иссякало, дюжина-другая мужчин, прихватив ружья, мачете и гепардов, отправлялась на розыски Дика. Успех этой операции никто не гарантировал, поскольку юный дьяволенок мог скрываться не только в роще, в кедровнике, на крепостной стене или у речных берегов, но также среди скал и пещер к югу от города, на любой из окрестных ферм или на станции монорельса, около взлетной площадки и ангаров авиазавода «Кентавр» или в тростниковых зарослях, что тянулись вдоль заболоченных оврагов, ложбин и ручьев. Охотничьи гепарды славились неутомимостью, длинными ногами и превосходным чутьем, однако спасательным партиям случалось возвращаться без предмета поисков, хотя и не с пустыми руками. Дика не было, зато соседи приносили десяток рогатых кабанчиков, битую болотную птицу или пару кайманов, чьи спинки и хвосты, провяленные в коптильне, считались деликатесом. Так что определенную пользу от этих вылазок за Периметр все же нельзя было отрицать – равно как и упрекать гепардов в нерадивости.

Гепарды, звери трудолюбивые и честные, делали все, что умели и могли, но коль след терялся в болоте или на речном берегу, они начинали беспокоиться, топорщить шерсть и недовольно скулить – воды и сырости они не жаловали, как их земные аналоги. Разумеется, им не удавалось настигнуть Дика и когда он прятался в каком-нибудь фермерском джипе «Саламандра» или в грузовом трейлере, что было испытанным способом всех мальчишеских побегов за Периметр. Что же касается иных видов транспорта, то до вертолетов Дик, к

счастью, еще не добрался, но пару недель назад укатил на монорельсе в Новый Орлеан. Этот город был расположен в дельте Миссисипи, много южнее Бахрампур — а тот, в свою очередь, стоял на Развилке, где Днепр и Ганг, соединившись, единым потоком стремили воды к Средиземному Проливу. Туда беглец не доехал — его сняли на перегоне Смоленск — Чистополь, в сотне лиг¹ от Бомбея. Выглядел он весьма огорченным. Почему-то он вбил себе в голову, что в Орлеане объявился Саймон-старший, вынырнув ненадолго из дремучих Левобережных лесов, — а Дику так хотелось повидать отца!

— Ди-и-ик! Ди-и-ик!

Тетушка Флоренс, старшая из трех сестер Филипа Саймона, была женщиной незамужней, верующей и весьма крепкой духом и телом, как все в их семействе, происходившем, согласно преданию, из мормонской Юты. Являясь сторонницей строгих воспитательных мер, она не жалела для Дика подзатыльников и колотушек, а завершив очередную порку, стучала согнутым пальцем ему в темя, попутно вопрошая Господа и Иосифа Смита², за что те послали рабе своей такое наказание. Но Дик, звавший тетушку про себя Костяным Пальцем, все же любил ее. Подобно всякому юному существу он еще не представлял, как обойтись без любви — той, которую ребенок ждет от взрослых и которую дарит им.

На кого же еще он мог излить свою любовь, кроме суровой тетушки Флори? Конечно, он любил отца, но Филип Саймон, ксенолог и этнограф, двенадцать месяцев в году пропадал в джунглях Левобережья, среди тайятских племен; разумеется, он любил мать, но эта любовь уже стала воспоминанием четырехлетней давности. Мать, высокая златовласая и синеглазая красавица, временами являлась ему в снах, но сны те приходили все реже и реже; а иногда Дик видел, как ласковое мамино лицо плывет, дрожит, меняется, уступая непреклонным чертам тетушки Флори. Мать его, урожденная Елена Стахова, была отсюда, из Смоленска, и тут, на радость или горе, встретила с отцом. Филип Саймон, обожавший свою Элен, звал ее Еленой Прекрасной, и совместная их жизнь полнилась бы счастьем, а не горестями, да судьба повернула иначе. Дику стукнуло шесть, когда отец возвратился с Левобережья в одиночестве, мрачный, как грозовая туча; вернулся и сказал, что теперь у Дика нет мамы, а есть только тетушка Флоренс.

Пожалуй, Флоренс Саймон, переселившаяся к брату лет десять назад, могла бы быть и добрей с племянником. Но, обделяя его лаской, она компенсировала этот грех неусыпными заботами. Вот и сейчас:

— Ди-и-ик! Ди-и-ик! Куда ты запропастился, наказание божье?

* * *

А божье наказание тем временем уносили быстрые воды Днепра. Дик спускался вниз по течению на самодельном плотике из полудюжины бревен, связанных старой веревкой. Кроме плавсредства, у него имелись компас, мешок с сухарями и багор, позаимствованный у соседа, рыбака дяди Феди; а еще был перочинный нож, отцов подарок, и зажигалка. Экипированный таким образом, Дик твердо решил на сей раз добраться до Нью-Орлеана, до региональной ксенологической базы, где — по непроверенным слухам — пребывал сейчас Саймон-старший. Прозрачные речные воды покачивали плотик, и мысли мальчика тоже крепнились то туда, то сюда, следуя ритму этих мерных и плавных качаний.

¹ Лига — единица расстояния, принятая ООН, наряду с километром, в качестве одной из международных мер; составляет около 4,6 км.

² Иосиф Смит — основатель мормонского вероучения, нашедший в 1827 году в штате Нью-Йорк золотые листы с Книгой Мормона.

С одной стороны, рассуждал он, жаль, конечно, тетушку Флори; хоть пальцы у нее костяные и совсем не похожи на мамины мягкие ладошки, но, в сущности, она желает ему лишь добра. И потом, она такая старая! Ей уже пятьдесят! И придется ей жить в одиночестве, хоть и в уютном коттедже, в большом городе, да без мужчины, который спас бы ее цветы и грядки от набега рогатых кабанов, а ее саму – от вредных пятнистых жаб, змей и клыкастых крыс... Конечно, рядом соседи, Федор-рыбак, и Пал Палыч с авиазавода, и вертолетчик Сташек, и другие... Они тетку в обиду не дадут, одолжат, на крайний случай, гепарда, если случится крысиное нашествие... Однако какой гепард заменит мужчину в доме?..

С другой стороны, думал Дик, достойно ли мужчины маяться до седых волос при теткиной юбке и теткин ом огороде? Вроде бы седины он в своих волосах пока не замечает, так ведь это – пока, и потом, волосы у него от природы светлые, как созревшая кукуруза... А временами от теткиных воплей да поучений можно враз поседеть и не заметить. Нет, такая жизнь не для него! Настоящий мужчина должен владеть оружием (тут он покрепче стиснул увесистый багор), должен странствовать и сражаться – как отец! И он, Дик Саймон, уже достаточно взрослый, чтобы помогать отцу, ходить с ним в джунгли Левобережья, как делала раньше мама... Она говорила, что за отцом нужен глаз да глаз, что он без царя в голове и когда-нибудь сломает шею в этих своих тайятских лесах... А вышло-то совсем наоборот...

Дик шмыгнул носом, отметив, что, как всегда, думает о маме на русском. Это получалось будто бы само собой: мысли об отце и тетушке Флори складывались в английские слова, но стоило вспомнить о матери, как что-то щелкало за ушами, и один язык сменялся другим, краткое делалось долгим, твердое – мягким, напевным, звонкое – глуховатым. И это казалось столь же естественным, как восходы солнца или луны: отец был всегда «дад»³, а мать – мамой, мамочкой... А как же иначе, решил Дик; ведь на английском «мамочка» не скажешь!

Снова шмыгнув носом, он принялся взвешивать все «за» и «против» своего побега. С одной стороны, с другой стороны... Разумеется, тетке Флоре будет тоскливо, но Смоленск город большой и безопасный; во всяком случае, гризли и саблезубы по улицам не бегают, а слишком нахального рогача можно отогнать метлой или палкой... А вот отцу нужен помощник! Верный спутник, чтоб стоять с ним спина к спине у мачты, против тысячи – вдвоем, как поется в старой пиратской песне... Стоять и отбиваться сверкающим мачете от кабанов-носорогов, от грифонов и ядовитых змей, от полчищ тайятских воинов на шестиногих скакунах... Дик не знал и не ведал, где та мачта, которую будут защищать они с отцом, но не сомневался, что она сыщется – как и дикие звери, и грозные бойцы-тай, и блестящие стальные мачете. Душа его жаждала подвигов и приключений, так что с каждой пройденной лигой мысль о тетушке и долге перед ней отступала, таяла, редела, как рассветный туман, пока не испарилась вовсе. Не такой уж она была беззащитной, его тетушка Флори! Могла взвалить на плечи и унести шестилапого каймана... само собой, дохлого...

Тут пара таких тварей, вполне живых и весьма шустрых, увязалась за плотиком Дика. С полчаса они маячили с обеих сторон, присматриваясь и принохиваясь к добыче и щелкая челюстями, похожими на огромные птичьи клювы; затем, набравшись храбрости, ринулись на приступ.

Мачты на плоту не имелось, и не было ни широкой отцовской спины, ни блистающего острого мачете, так что Дик, встав на среднее бревно, подальше от краев, принялся работать своим багром. С днепровскими шестилапыми он имел дело не раз и не боялся их; он знал, куда бить – и бил с точностью и силой, поразительной для десятилетнего мальчишки. Когда над головой Дика завис поисковый «фламинго», с одним кайманом было покончено, а его напарник, истекавший кровью, обратился в позорное отступление. Но если судить по гамбургскому счету, эту схватку Дик Саймон проиграл: шестилапые порвали веревки, бревна

³ Dad – папа (англ.).

начали расходиться, а раненый зверь привлек внимание своих сородичей. Минут за пять стая покончила с ним и бросилась к плотнику – однако Дик уже висел на лесенке под округлым брюхом вертолета, вцепившись в ступеньку левой рукой. В правой он сжимал багор и, размахивая им, оглашал земли и воды воинственными воплями.

* * *

Своей цели Дик добился – приехал отец и забрал его, а тетушка Флори осталась одна в уютном коттедже на смоленской окраине, среди яблоневых садов, грядок с редиской и цветущего жасмина. При расставании тетушка всплакнула, и грусть ее показалась Дикун искренней; впрочем, он полагал, что она быстро утешится, обратившись к Святому Писанию, Книге Мормона и другим божественным предметам. Смоленск, населенный большей частью русскими, был городом православным, однако жили в нем и поляки-католики, и буддисты; имелась и мормонская община – небольшая, но крепкая, объединявшая три дюжины семейств, потомков тех, кто переселился некогда из Штатов и с Южмерики. Община строила школу и молитвенный дом напротив часовни Георгия Победоносца, так что тетушка Флори могла целиком отдаться полезным общественным хлопотам.

Что же касается мужской части семейства Саймонов, то путь ей выпал в Орлеан, куда отец с сыном отправились не монорельсом, не вертолетом или наземным глайдером, и уж, конечно, не с помощью Пандуса, а способом древним и романтичным – на корабле. Этот большой тримаран совершал ежемесячные рейсы от Финской губы и полушведского-полурусского городка Выборг по Неве до Ладожского Разлива, а оттуда – вниз по Днепру, мимо русско-польского и индийского регионов, мимо Развилки, за которой великая река носила уже иное имя, Миссисипи. Рейс завершался на Лазурном Взморье, у Пролива, где стоял Новый Орлеан – самый крупный, самый шумный и блистательный из городов северного полушария, а значит, и всей планеты. В южной ее полусфере не было ничего – ни земли, ни поселений, ни вечных льдов, только огромный океан с немногочисленными коралловыми островками.

В орлеанском ксенологическом центре Саймоны не задержались. Старший Саймон не любил городского многолюдья, а Дика переполняли мечты о чудесах тай-ятских гор и лесов, гигантской территории, превосходившей Правобережье раз в десять-пятнадцать – в точности никто не ведал, поскольку спутники над Тай-яхатом еще не летали. Однако было известно, что освоенный край всего лишь западная оконечность гигантского материка, разделенного на две неравные части столь же гигантским водным потоком. Континент этот был единственным и названия не имел, но большой тропический остров за Средиземным Проливом по старой памяти именовали Африкой. Там водились шерстистые мастодонты, мечехвостые игуаны, страусы о четырех ногах, огромные пауки и муравьи, а также зубастый реке, местная разновидность тиранозавра, – и потому на южный остров без крайней нужды соваться не стоило.

Впрочем, опасные твари Запроливья не входили в сферу научных интересов Филипа Саймона. Он был не зоологом, а ксеноэтнографом, работником Исследовательского Корпуса ООН, и занимался вопросами иерархии в разумных сообществах – в их взаимосвязи с религией, технологией, социальной динамикой, искусством и, разумеется, биологическими аспектами проблемы. Физиология и биология являлись весьма важными факторами, представляя собой, в сущности, тот фундамент, который определял специфику всей теологической, философской и социальной надстройки, все обычаи, традиции, культы, писанные и неписанные законы. Эта посылка была очевидной еще в Эпоху Разъединения, в тот великий исторический период, когда заработали первые трансгрессоры и человечество устремилось

к звездам. Но в те времена подобные выводы и заключения носили характер гипотез, подкрепленных одним-единственным примером – развитием земной цивилизации, земной культуры и земных религий. Однако с тех пор ситуация изменилась.

Собираясь прояснить ее в еще большей степени, отец и сын Саймоны погрузили свои пожитки в вертолет. Затем их маленькая дюралевая «пчелка», окрашенная в цвет небесной бирюзы, поднялась и, негромко жужжа, воспарила над Дельтой – запутанным переплетением голубоватых и серых водных потоков, заросших камышами и непролазными джунглями. Это дикое опасное место разительно отличалось от ухоженных земель, простиравшихся к западу. Там, на Лазурном Взморье, кедровые леса перемежались с апельсиновыми рощами, полями маиса и пшеницы, с табачными и хлопковыми плантациями; там плодоносили яблони и персиковые деревья, наливался сладким соком виноград, шелестели на теплом ветру растрепанные кроны кокосовых пальм. И там, меж лазуревым заливом и широкой серебристой лентой главного рукава Миссисипи, лежал Нью-Орлеан – огромный город, блистающий огнями, где жило, наверное, не меньше миллиона человек.

Это число казалось Дику чудовищным, он даже не пытался его представить и осмыслить. Но отец утверждал, что есть города и побольше Орлеана – в Штатах, Европе, России, Китае и Южмерике, даже на Аллах Ак-баре и Сельджукии. В конце концов, Тайяхат был всего лишь Колониальным Миром с двумя десятками поселений и относительно невысоким статусом, хотя и повыше, чем у Миров Присутствия и Каторжных Планет.

Голубая машина неторопливо плыла на северо-восток, пересекая Дельту; дальше потянулись густые леса, чередовавшиеся с живописными скалами и холмами. Кое-где синели озера, а в распадках, среди усыпанных радужной галькой берегов, струились ручьи, но Дик не слышал их звонких песен – негромкий мерный рокот двигателя перекрывал все иные звуки. Они делали не больше пятидесяти лиг в час, и тому имелись по крайней мере две причины. Во-первых, как гласили Договорные Браслеты меж людьми и тайят, в Левобережье полагалось передвигаться тихо и спокойно и уж, во всяком случае, не носиться в небесах будто посыльные четырехкрылые орлы; а во-вторых, повышенная гравитация не способствовала стремительным полетам. Саймоны, колонисты уже не первого поколения, ее не замечали, но мотор «пчелки» чувствовал и на скорости в сотню лиг начинал кашлять и задыхаться.

Час тянулся за часом. Дик, налюбовавшись зелеными деревьями и прогалинами, где паслись кабаны-носороги, успел поесть, поспать и снова поесть. Затем, поглядывая вниз, он принялся размышлять о новом своем жилище в женском поселке Чимара, о лагерях воинов, упрятанных под лесной сенью, у ристалищ-ных полян и выпасов, где бродили шестиногие скакуны, о странных тайятских обычаях, не позволявших нарушать мир в окрестностях женских деревень, тогда как во всех иных местах отхватить врагу палец или ухо почиталось великой доблестью. Отчего так? И зачем сражаются туземцы? Отец говорил, что у них нет ни денег, ни городов, никакого богатства, нет даже племен и вражды из-за земель или охотничьих угодий... Стали б они драться из-за этого! Тут каждому отпущено по квадратной лиге, два Смоленска можно выстроить! И повсюду тепло, всюду есть звери – звери-добыча и звери-друзья вроде скакунов, гепардов и танцующих питонов... Интересно б на них взглянуть, на этих змеюк... Отец говорил...

Филип Саймон коснулся его растрепанных волос.

– Взгляни туда, парень! Не вниз, а прямо по курсу!

– Облака, дад? Какие темные!

– Не облака. Это горы, сынок, огромный хребет

Тисуйю, что начинается на севере и тянется до южных морей. А западный склон зовется Тисуйю-Амат, что значит Проводы Солнца. Сегодня мы вместе его проводим... ты и я... и, наверно, Чочинга. Он...

Но Дик о Чочинге слушать не захотел, а, уткнувшись носом в прозрачную преграду колпака, пожирал глазами встающие впереди горы. Внизу они были зелеными, укутанными в покрывало леса, скрытыми вуалью горных лугов; выше простирался камень, темный или серый, изборозженный багровыми и сизыми рубцами, черными провалами ущелий и красно-фиолетовыми росчерками выступавших на поверхность скальных жил. Жилы походили на молнии, сверкнувшие в грозовой туче, – только и туча, и молнии были на самом деле все тем же камнем, твердым камнем, взметнувшимся ввысь и словно подпиравшим небеса. А чтоб не запачкать их багряными и темными оттенками, вершины гор оделись в лед – чистый, голубовато-прозрачный, вставший стеной между всеми рассветами и закатами, какие только разгорались и гасли в этом мире.

Дик облизнул пересохшие губы.

– Дад! А что за этими горами, дад? Там? – Его рука потянулась к хрустальным пикам, словно он жаждал коснуться их и ощутить обжигающий холод горных ледников.

Отец негромко рассмеялся.

– Ты еще не видел того, что з д е с ь, а хочешь узнать, что там! Но я скажу тебе... Здесь – лес, в лесу – звери и боевые тайские кланы, а выше, в Тисуйю-Амат, селения тех, кто слишком юн или слишком стар для сражений... Или в принципе не любит драк, понимаешь? И такие же поселки там, за хребтом, где лежит плоскогорье Тисуйю-Цор, Утреннее Солнце... Аза ним снова леса и степи, холмы да горы – и так, я думаю, до самых морских берегов. Есть там огромная река величиною с Днепр, но немногие видели ее – лишь те, кто подружился с тайят и смог пройти по их землям.

– Я увижу, – сказал Дик, – увижу! И подружусь со всеми тайями!

Отец подмигнул ему.

– Конечно, подружишься, хоть это и непросто! Первым делом ты не должен ошибаться, когда называешь их. Все они – тайят, люди; тай – человек-мужчина, тайя – человек-женщина. А Тайяхат, где мы живем рядом с ними, – Мир Людей... Ну, и ты понимаешь, сынок, раз они нас сюда пустили, значит, считают людьми. И что же, по-твоему, отсюда следует?

Дик насупил брови, запыхтел, но вопрос оставался ему непонятен, и Саймон-старший с серьезным видом пояснил:

– Мы должны быть людьми, парень. Людьми, достойными уважения в глазах тай и тайя. Нам надо показать, что мы не уступаем им ни в чем... Понимаешь? Я говорю не о наших машинах и зданиях в сорок этажей, не о Пандусе, вертолетах и монорельсовой дороге, не о ружьях, глайдерах и телевизорах, а о вещах, которые ценят тайят. Ты не должен им уступать, Дик! Хоть, по их мнению, мы с тобой калеки, но... – Оборвав фразу, Филип вдруг приобнял сына за плечи и воскликнул: – Подлетаем! Еще полчаса – и мы дома. Так что не уппусти случая полюбоваться на Чимару с высоты.

Совет того стоил. Голубая машина крохотной жужжащей мошкой вилась перед каменным ликом с едва различимыми чертами – гигантским, морщинистым, темным, исполо-сованным шрамами осыпей, рубцами трещин, причудливыми провалами пещер. Это чело одряхлевшего титана венчал ледяной шлем о трех зубцах, похожий на выщербленную королевскую корону, украшенную хрустальными подвесками ледников. Два крайних спускались особенно низко, до широких плечперевалов, превращаясь там в бурные потоки; сверкающими пенными серпами они падали с отвесных склонов, вгрызались в каменные ребра, прыгали и грохотали среди скал, взметая в воздух мириады брызг, рождавших семицветную радугу. Гигант в льдистом шлеме с руками-водопадами как бы сидел, опираясь на пятки и выдвинув колени вперед, а образованный ими уступ шириной в четыре лиги высился над большим озером, куда стекали горные воды. Озеро показалось Дику безлюдным, на карнизе, на коленях великана, он увидел крохотные хижины, пылавшие перед ними костры, деревья,

запутанный узор тропинок и ручьев, фигурки людей и животных – и все это было словно выткано на травянистом изумрудно-зеленом ковре.

Вертолет с тихим рокотом снижался. Мимо них проплыл прижатый к шее подбородок с веером трещин, расходившихся от него подобно бороде, затем потянулась необозримая выпуклая грудь в иссеченных каменных доспехах. Там, где кончались эти гранитные латы, шла неглубокая, но заметная впадина, похожая на втянутый живот и пестревшая в самом низу пятнами мхов и отверстиями пещер. Видимо, некоторые из них были обитаемы – Дик разглядел приставленные к ним лестницы и галереи на деревянных подпорках, что нависали друг над другом в три-четыре яруса.

Отец коснулся клавиш автопилота и, приостановив спуск, начал возиться в кресле, стягивая башмаки и комбинезон. Кресло было узким, и Филип Саймон, крупный мужчина, скорчился в нем, точно рыболовный крючок, застрявший в коряге. Наконец он разделался со всеми «молниями» и застежками, облегченно вздохнул и, подмигнув сыну, распорядился:

– Снимай рубаху и штаны. Там, внизу, тебе хватит плавок. А хочешь, бегай голышом!

Дик не заставил просить себя дважды. Он с восторгом глядел, как отец достает две кожаные ленточки, отливавшие сероватым жемчужным блеском. Одной из этих повязок Саймон-старший перетянул собственные золотистые волосы, другую пристроил на лоб Дику. Кожа была мягкой и оставляла ощущение гладкости и тепла.

– А перья, дад? Перья будут? Как у индейцев?

– Нет. Воины тай не носят перьев, а только цветные повязки, знак клана.

– И какой наш клан? – Пальцы Дика коснулись упругой ленточки.

– Теней Ветра, сынок. Это сильный и почитаемый клан, у него семнадцать мужских поселков, и в каждом живут две или три сотни молодых мужчин. Чочинга, мой друг и великий воин, тоже из этого клана.

Дик в восторге подпрыгнул на сиденье.

– Он – вождь? Грозный вождь, как Чингачгук Великий Змей? Как Текумсе и Оцеола?

– Нет, парень, Чочинга не вождь, хоть власти у него побольше, чем у иного вождя. Он – Наставник. Учитель боевых искусств, помнящий все обычаи и ритуалы – как говорить с врагом и с другом, как биться в поединке, как праздновать победу и оплакивать поражение... Это очень важно для тай. У них, видишь ли, нет богов, зато...

Но Дик перебил отца. Религия его не занимала, а вот к Наставнику Чочинге, учителю боевых искусств, он внезапно ощутил жгучий интерес.

– Он будет меня тренировать? Правда, дад? Ты его попросишь?

Филип Саймон взъерошил светлые волосы сына.

– Будет учить, если ты ему приглянешься. Если он решит, что из тебя получится толк. Если ты будешь с ним почтителен. И, конечно, если обучишься языку тайят. Как учиться, не зная языка?

Он ткнул клавишу на пульте, и вертолет, негромко урча, продолжил снижение.

– Твой друг Чочинга самый главный в Чимаре? – спросил Дик, кося глазом на приближавшиеся деревья, разбросанные меж ними строения и причудливую вязь соединявших их тропинок.

– Не самый главный, но, наверно, самый уважаемый среди мужчин. Чимара – женский поселок, и тут правят женщины. У каждой есть дом, свой очаг, се-стра-икки, мужья и дети. И все им подчиняются – так, как ты... гм... подчинялся тете Флори. Но мальчишки, когда вырастут, могут спуститься в лес и жить в мужском поселке. Не все, конечно, а те, кто пожелал стать воином какого-нибудь клана.

– Теней Ветра?

– Теней Ветра или Звонящих Вод, Извилистого Оврага или Горького Камня – в женском поселке это не важно. Я тебе говорил, что здесь, на склонах Ти-суйю-Амат, никто не

нарушает мира, не поднимает оружия. Сражаются там, в лесу! И только там имеет значение, из какого ты клана. Обычно юноша идет в тот клан, который избрали его деды и отцы или старшие братья...

– Отцы? – Дик недоуменно сморщился. Братьев, по его разумению, могло быть много, а уж дедов никак не меньше и не больше двух – но отец, само собой, один. Насколько он знал анатомию, больше просто не требовалось!

Филип Саймон усмехнулся:

– Понимаешь, сынок, тайят почти как люди и все же не совсем люди. Выглядят иначе, и обычаи у них иные... К примеру, у каждого мальчишки обязательно есть брат-близнец, у каждой девочки – сестра, а еще два отца и две матери – родившая мать, си'та, и вторая мать, теи'та. Что же касается отцов... хм-м... тут, видишь ли, дело такое...

«Пчелка» мягко приземлилась, смолк негромкий шелест винтов, и Саймон-старший прервал рассуждения на щекотливую тему. Дик, которого сжигало нетерпение, разблокировал дверцы со своей стороны, прыгнул вниз и огляделся. Их бирюзовый аппарат стоял на лужайке, заросшей густой короткой травой, щекотавшей босые пятки. Прямо перед Диком, шагах в двадцати, вздымался к небу отвесный горный склон с зиявшей в нем пещерой; вход в нее обрамляли отесанные столбы, меж коих свисала широкая плетеная циновка. Значит, пещера служила жилищем, решил Дик, рассматривая украшавшие завесу узоры в виде переплетенных змей.

Справа, промеж двух огромных деревьев с листьями как растопыренная пятерня, виднелся фасад просторной хижины, поднятой на сваях. Вдоль нее тянулась веранда, на которую вела лестница, а сверху нависала кровля, поддерживаемая резными деревянными подпорками. На одной из них, выдававшейся над крышей метра на полтора, полоскался флаг ООН – голубое поле с десятью золотистыми кольцами и шестнадцатью звездами, символом Большой Десятки и Независимых Миров. Заметив этот флаг, а также алюминиевые стол и кресла в одном конце веранды и груды ящиков – в другом, Дик сообразил, что эта хижина будет его новым жилищем – на год, на два или на все пять, пока отец не разберется со всеми секретами аборигенов.

По левую сторону поляны, за редкой порослью желтоватых коленчатых стволов, похожих на земной бамбук, виднелись кровли других хижин, не таких больших, как отцова, но тоже весьма просторных – не меньше, чем коттедж на днепровском берегу, где тосковала сейчас в одиночестве тетушка Флори. Кое-где над крышами вился дымок, и нос Дика улавливал незнакомые, но вкусные запахи – там что-то жарилось, варилось и пеклось, и это «что-то» походило на пирожки с мясом и на медовые коврижки. Решив, что с голоду здесь не помрешь, Дик покосился на отца, ожидая, когда тот скамандует разгружать машину.

Но Саймон-старший не торопился. Он стоял неподвижно, руки его были согнуты и чуть разведены, голова откинута назад, а широкие крепкие плечи и спина будто оделись золотой паутиной солнечных лучей. Небесный Свет, как называли туземцы свое светило, клонился к закату и блестящим медным щитом висел над лесами и прозрачной озерной гладью, что оставалась где-то внизу, у ног гранитного воина в льдистом шлеме, с могучими руками-потоками. Вокруг царила тишина – только какие-то птицы или зверьки попискивали в листве да слышался отдаленный мерный гул падающей воды.

Внезапно полог, скрывавший вход в пещеру, отодвинулся, и в глубине, озаренной неярким светом, возникла высокая темная фигура. Человек, стоявший на пороге, был огромен и похож на многорукого индийского демона или на древнего титана, одного из отпрысков Земли и Небес, которых эллинские боги низвергли в Тартар. Так, по крайней мере, говорилось в прочитанных Диком книжках, но в них речь шла о земных титанах. В Тайяхате же были свои сказки, и этот великан – нагой, если не считать обвившего бедра изумрудного змея, – скорей отправил бы в Тартар Юпитера со всем его божественным потомством.

На мгновение Дик у сделалось страшно; он шагнул поближе к отцу и приник плечом к теплой коже под ребрами, не спуская глаз с надвигавшегося исполина. Дик, разумеется, знал, как выглядят люди тайят, он видел их на снимках, в телезаписях и видеофильмах, но сейчас впервые постиг простую истину: фильмы и снимки лгут. Лгут! Разве могли они передать это ощущение мощи и свирепой уверенной силы, эту грацию движений – легких, стремительных и в то же время плавных? И блеск янтарных глаз, и чуткое подрагивание ноздрей, и взвихрение антрацитовый, подобной львиной гривы? И этот запах... Сильный, непривычный, но приятный... Запах меда и горьковатых трав...

– Чочинга, – сказал отец. Ладонь его легла на плечо Дика, пальцы сжались. – Чочинга, атэ имозу ко тохара зеггу. Ко тохара!

Великан поднял руки – все четыре руки, мощные, в буграх узловатых мышц. Яростный блеск зрачков угас, дрогнули широкие брови, полные яркие губы растянулись в улыбке. Совсем как человек, промелькнуло у Дика в голове. Да, совсем как обычный человек, только очень большой, с четырьмя руками и здоровенным питоном вместо пояса, уточнил он. Теперь этот гигант не внушал ему боязни, скорее – симпатию и благожелательное любопытство.

Чочинга запел. Для Дика это не явилось неожиданностью; он помнил, что, согласно Ритуалу, мужчина-тай приветствует друга Песней Приветствия и Представления, а врага – Песней Вызова. Голос у Чочинги оказался под стать фигуре – сильный, глубокий, но резковатый. Руки его мерно двигались в такт протяжной мелодии; он простирал верхнюю пару перед собой, проводил ладонями нижней по бокам, поглаживал блестящее змеиное тело, потом с неторопливостью вытягивал руки вверх и в стороны, показывая то на небеса, то на яркий солнечный диск, то на старшего Саймона, то на Дика. Змей, обвивавший чресла Чочинги, был неподвижен – может, дремал, а может, просто не интересовался людскими делами.

Наконец хозяин, встречающий гостя, закончил приветствие, и гость откликнулся ответной песней. Голос у отца, решил Дик, получше, чем у Чочинги; пусть не такой громкий, зато приятный и мелодичный. Раньше отец любил петь – когда была жива мама.

Чочинге, вероятно, отцов голос тоже нравился. Он слушал, полуприкрыв веки, а когда песня завершилась, шагнул к гостям, подхватил Дика под коленки, поднял повыше и пальцами верхних рук стал перебирать его волосы, касаться ушей, висков и щек, будто хотел не только разглядеть, но и ощупать странного двурукого детеныша. А Дик у чудилось, что перед ним как бы два человека: первый держит его, а второй, спрятавшийся за спину первого, гладит по голове и дергает за уши.

Внезапно Чочинга расхохотался, подбросил Дика вверх, поймал и резким сильным движением швырнул в траву. Перекатившись, Дик поднялся, бросив вопросительный взгляд на отца. Может, взрослых тут приветствовали песнями, а тех, кто поменьше, – тычками?

– Сделай так, – произнес Филип Саймон, снова сгибая руки и слегка разводя их, точно готовясь оттолкнуть стоявшего перед ним великана. Дик повторил этот жест, прислушиваясь к рокочущему басу Чочинга и голосу отца, неторопливо переводившему сказанное. – Он говорит, что ты воспитанный юноша, почтительный к старшим. Он говорит, что ты умеешь падать и подниматься. Он говорит, что всякий может упасть под вражеским ударом, но это не беда. Главное, вовремя подняться. Встать и отрезать врагу уши. Или пальцы – что тебе больше понравится. Пальцы даже лучше, так как их косточками украшают боевое ожерелье, Шнур Доблести. Еще он говорит, что ты можешь пройти по Чимаре и даже вступить с кем-нибудь в почетное единоборство, только без оружия. Не режь чужих ушей и пальцев – здесь этого делать нельзя.

– Не очень-то и хотелось, – отозвался Дик, имея в виду уши и пальцы. – Я лучше займусь «пчелкой» и перетащу все добро в дом. – Тут он скосил любопытный глаз на змея,

оббивавшего талию Чочинги, дернул отца за руку и громким шепотом поинтересовался: – А что у него на поясе, дад? Танцующий питон? А почему он зеленый? И почему он спит, а не танцует?

– Не любит плясать в одиночку, – с непонятной усмешкой заметил отец и подтолкнул Дика к машине. – Ну, решил потрудиться, так трудись!

Они с Чочингой исчезли в пещере, а Дик, откинув дверцу багажного отсека, начал перетаскивать ящики и коробки к ступенькам, ведущим на веранду. Между делом он поглядывал на деревья с пятипалыми листьями – там шебуршился и попискивал кто-то невидимый, возможно, птица или маленький зверек. Груза в вертолете было немного: консервы, сублимированные концентраты, кофе и чай (все – китайского производства), видеокамера с запасными кассетами, тючок с бельем и одеждой, школьный компьютер класса «Демокрит», с которым Дик полагалось общаться три-четыре часа в день, аптечка и всякие мелочи – вроде книг, мыла, зубных щеток, блокнотов, карандашей и «вопи-лок», плоских коробочек размером с ладонь, с прорезью для ремня. Их полагалось носить в период странствий в лесах, и отец утверждал, что их боятся даже саблезубые кабаны и медведи-гризли.

Дик повертел «вопилку» в руках, соображая, что на оружие она все-таки не походит. На то оружие, которое виделось ему в мечтах: русские автоматические винтовки «три богатыря», американские «сельвы» с откидным прикладом и барабаном на сотню патронов, финские высоковольтные разрядники «похьела» и газовые гранаты типа «Синий Дым». Не было в багажном отсеке и холодного оружия – ни знаменитых японских клинков «самурай», ни арабских сабель с Аллах Акба-ра, ни бразильских мачете, ни даже тех дешевых поделок, что штамповались в Черной Африке и на Гаити. Надо полагать, решил Дик, что отцов арсенал со всякими забавными штучками находится в доме, и там есть ружья, пистолеты и клинки, а может, что-нибудь посерьезней вроде финских или русских лучеметов. Все-таки отец прожил в тайятских лесах целое десятилетие и вряд ли гулял безоружным среди саблезубов, грифонов, пятнистых жаб и прочей нечисти. Интересно бы взглянуть на его боевые припасы, мелькнула мысль у Дика, и он совсем уж вознамерился провести в доме инспекцию, как вдруг почувствовал, что на него смотрят.

Он резко обернулся.

В десяти шагах, сбившись плотной кучкой, стояли ребятишки – два паренька и две девочки, не отличавшиеся от него ни ростом, ни возрастом. Рук у них, само собой, было побольше, но не это показалось Дику самым удивительным. Оба мальчишки, с растрепанными на манер вороньих гнезд лохмами, были похожи друг на друга как пара патронов из одной обоймы, и то же самое относилось к девчонкам – только у одной темные волосы падали на плечи, а другая заплела их в косичку и обернула вокруг головы. Мальчишки и этим не отличались, но на плече того, что стоял впереди, устроилась птица. Великолепная птица! Совсем небольшая, с воробья, однако невероятной красоты: алая, с золотистой грудкой и золотистым хохолком. Хвост ее расходился словно крошечный веер и блистал всеми оттенками утренней зари.

Ребятишки были стройными, длинноногими и абсолютно голыми, так что Дик без труда убедился, что ниже пояса они во всем подобны его смоленским приятелям и подружкам. Мальчишка с птицей выглядел, пожалуй, покрепче и позадиристей остальных; девочки казались более тонкими, с хрупкими плечиками и проступавшими под смуглой кожей ребрами. У обеих уже начали наливаться груди, а внизу живота темнел шелковистый короткий пушок.

Дик, будто зачарованный, не сводил глаз с этой четверки. Птица, конечно, была замечательной, подробности анатомического строения тай и тайя – весьма интересными, а уж сходство их лиц казалось сущим волшебством! До сих пор он не встречался с близнецами, а тут – целая куча! Можно сказать, толпа! И парни тебе, и девчонки... восемь ног, шестна-

дцать рук... Было ли это случайностью? Дику припомнились отцовы объяснения, что у всякого тайя есть брат, у всякой тайи – сестра, а еще у них четыре родителя... Четыре! С одной стороны, вроде неплохо, но с другой, если все родичи похожи на тетушку Флоренс, то...

Девочка с распущенными волосами выступила вперед, коснулась теплыми ладошками его груди, а другой парой рук сделала уже знакомый Дику жест приветствия. Ее милое личико расплылось в улыбке, но остальные трое глядели недоверчиво, а паренек с птицей – даже мрачно и вызывающе.

– Чия, – прощепетала девочка, – Чия! – Она полуобернулась и показала левой нижней рукой на сестренку, потом на лохматого мальчишку с птицей и его брата. – Чиззи. Чиз-зи! Цор, Цохани. Цор умма Цоха-ни. Чия икки Чиззи. Сиран шевара?

Тонкие пальчики требовательно забарабанили по груди Дика, и он назвал.

– Ди-ик, – протянула Чия, поглядывая на него со странной жалостью, – Ди-ик, Дик! – Глаза у девочки казались бездонными, черными и блестящими, а ресницы – такими, что тень от них падала на щеки. Меж плечевыми суставами верхней и нижней пары рук темнели трогательные ямочки, коленки были исцарапаны, и по левому бедру тянулся едва заметный шрамик.

– Ди-ик! – передразнил мальчишка с птицей, видимо – Цор; потом надменно вскинул лохматую голову, поискал что-то взглядом в листве и вдруг рассмеялся. – Пинь-ча! Дик – пинь-ча!

Золотисто-алый воробей на его плече протестующе чирикнул, вторая девочка, с косой, ткнула Цора локотком в бок и принялась что-то гневно выговаривать ему, но мальчишка не слушал – тянул руку к крыше веранды и радостно вопил:

– Пинь-ча! Сайд этори пинь-ча, калавау тере!

– Пинь-ча? Что еще за пинь-ча? – повторил Дик, в недоумении уставившись на черноглазую Чию. Она потупилась, тяжело вздохнула – будто в чем-то была виновата перед гостем, и махнула тонкой рукой, показывая вверх.

Дик обернулся и поднял взгляд. На кровле веранды, под пятипальными листьями, у самого флагштока с голубым знаменем, сидел маленький рыжеватый зверек, похожий то ли на белку, то ли на обезьянку с вытянутой любопытной мордочкой. Пожалуй, больше на белку: ушки у него были остроконечными, хвост – изогнутым и пушистым, а крохотные темные глазки поблескивали как две бусинки. И было у этого зверька всего четыре конечности, а не шесть лап и не шесть ног, как у всех прочих обитателей Тайяхата. Только четыре, как у самого Дика.

Ладошка черноокой Чии еще лежала на его груди. Он сбросил хрупкие теплые пальцы, затем решительно отодвинул девочку и шагнул вперед. Конечно, у этого тайского паренька вдвое больше кулаков, но можно ли считать, что они крепче и увесистей? Дик в том сомневался, а всякое сомнение он привык проверять опытом.

На долю секунды лицо Саймона-старшего явилось перед ним, и Дик услышал строгий голос: «Ты не должен им уступать! Не должен уступать ни в чем!» И тут же рокошующий бас Чочинги напомнил, что схватка должна быть честной и что в Чимаре нельзя резать противнику пальцы и уши.

– Эй, лохматый! Отдай-ка братишке воробья! С воробьями я не дерусь, – сказал Дик, сжал кулаки и ринулся в битву.

КОММЕНТАРИЙ МЕЖДУ СТРОК

– У твоего сына сердце бойца, – сказал Чочинга, разглядывая катавшихся в траве мальчишек. Голова его одобрительно качнулась, дрогнули темные пряди, походившие на льви-

ную гриву, на полных губах заиграла улыбка. Широкая смуглая физиономия вдруг утратила привычное выражение свирепости; теперь он выглядел не воином, победившим в сотнях поединков, а тем, кем был на самом деле, – наставником и учителем. Ладонь Чочинги огладила изумрудное тело змея, и тот, вдруг очнувшись от спячки, приподнялся и стал раскачиваться, уставившись мерцающими глазками на поляну, откуда неслись громкие боевые выкрики и визг девчонок. – Пожалуй, Цор уступит твоему ко-то-харе, – Чочинга пощекотал питону нижнюю челюсть. Массивная, тупо срезанная змеиная голова застыла над его плечом, потом раздался негромкий свист, и питон, высунув гибкий длинный язык, лизнул шею хозяина. – Да, твой сын одолеет Цора, – повторил Чочинга, – но он еще не обучен всем положенным Ритуалам. Ему надо получить дневное имя – ведь он уже вырос и не может обходиться одним утренним. Еще ему надо усвоить правила Оскорблений и не лезть в драку, пока не сказаны все нужные слова. Еще... – Наставник задумчиво прищурился, – еще, я думаю, таинство огня и ножа... да, цехара ему определенно пригодится... как и приемы схватки с клинком и щитом, с клинком и копьем, с двумя клинками и двумя копьями... Видишь, Золотой Голос, сколь многое должен постичь твой сын!

– Так обучи его, Крепкорукый, – откликнулся Филип Саймон. – Обучи во имя нашей дружбы – так, как ты учишь Теней Ветра, потомков твоих родичей. И присматривай за ним, пока он не вырастет и не сможет стать моим спутником в лесах и горах.

Чочинга усмехнулся.

– Это случится быстрее, чем тебе кажется, брат мой. Юные воины растут словно трава под теплым дождем... Не успеешь дать ему дневное имя, как он уже хочет девушку, хочет нож и копье и рвется свершать подвиги в боях и на Полянах Поединков... Юности свойственна торопливость, но зрелые люди, подобные нам с тобой, должны относиться к этому снисходительно. Ведь юность проходит, брат, и память о ней согревает нас в дни печальной старости.

– Да пребудут с тобой Четыре алых камня, Четыре яркие звезды и Четыре прохладных потока, – сказал Саймон, поглядывая на поляну и развернувшееся там сражение. – Твоя старость еще далеко, и я надеюсь, что ты сохранил свои силы. Сохранил достаточно, чтоб справиться с моим сыном. Боюсь, брат, у тебя будут заняты все четыре руки!

– Ничего. Ничего! Он мне поможет, – Чочинга погладил тугие змеиные кольца. – Он научит твоего тохару, как сделаться тенью всех ветров, что проносятся над Тайяхатом, как бегать стремительно и неслышно, как прятаться на деревьях, в траве и среди скал. А до той поры, пока твой сын не научится этому, будет ходить в синяках. Так что не тревожься, мы присмотрим за ним – я и мой змей! – Гулко хлопнув в ладоши, Наставник заглянул в лицо Саймона. – Но кажется мне, ты хочешь спросить еще о чем-то? Говори, и пусть я умру в кровавый закат, если просьба твоя не будет исполнена!

– Я бы желал, чтоб его научили словам тайят. Не знающий их – чужой в Чимаре, а я не хочу, чтоб мой сын считался здесь чужим. Может, одна из твоих мудрых и прекрасных жен... Ниссет или Най...

Чочинга махнул рукой – вернее, двумя руками сразу.

– Пусть мои жены, мудрые и прекрасные, правят домом, пекут лепешки и жарят мясо. Твоего сына обучат без них... Чия обучит! Кажется, он ей понравился.

– Кажется, – кивнул Саймон и ухмыльнулся.

Схватка на поляне прекратилась, бойцы разошлись по разным углам, и черноглазая Чия, свернув из травы жгут, вытирала Дику спину.

ГЛАВА 2

Дик бежал под густыми кронами пятипалых деревьев, мчался на север, к водопадам, стараясь укрыться от бивших с неба обжигающих стрел. У стволов, под непроницаемым пологом мощных, покрытых густой листвой ветвей, царили прохлада и полумрак; на прогалинах же утреннее солнце светило в глаза, жгло нагие плечи, выжимало испарину из разгоряченной кожи. К счастью, лес на северной окраине поселка был густым, и поляны встречались редко – одна на две-три сотни шагов. Можно было бы и обогнуть их, но Дик торопился – Учитель, наверное, допел свою песню, отмерявшую время, а значит, Каа был готов устремиться в погоню. С каждым днем песни Чочинги делались все короче, и фора, положенная Дику в этой игре, все сокращалась и сокращалась. Правда, и бегал он теперь быстрее – ни один четырнадцатилетний мальчишка-тай не мог за ним угнаться. Дик полагал, что им мешают лишние руки, но его приятели из Чимары вовсе так не думали. Совсем наоборот! В драке четыре кулака надежнее двух, в чем Дику пришлось не раз убедиться на собственном опыте. Цор, его вечный соперник из клана Горького Камня, бывал особенно настойчив, но уступал Дику в ловкости, хитрости и быстроте. Это сводило преимущества Цора к нулю; как говорил Учитель, неважно, сколько рук у человека, если пользуешься ими с толком. И хоть Цор любил подраться, их схватки обычно кончались ничьей – что и доказывал объективный подсчет синяков, царапин и ссадин.

Лес начал редеть, солнце принялось палить сильнее, на висках Дика выступила испарина, тяжелый нож в костяных ножнах больно колотил по бедру. Рев водопадов впереди становился все отчетливей, пока шум и грохот не заполнили весь мир, не ударили в уши кузнечными молотами. Теперь под ноги ему легла каменистая осыпь с острой щебенкой, коловшей босые ступни. Тем не менее он помчался быстрее; эта часть дороги была самой неприятной – во всяком случае, для него. Каа одолевал ее с легкостью, хоть полз на брюхе. А может, и не на брюхе – по словам отца, у изумрудных питонов имелись рудиментарные конечности, почти невидные под кожей, но позволявшие где надо приподняться и не порвать чешую об острый камень или сухую ветвь. Так ли, иначе, но Каа ползал с потрясающей быстротой, а чутьем не уступал гепардам, и скрыться от него удавалось не всякий раз. Собственно, звали его не Каа, однако Дик, три года назад начитавшийся Киплинга, дал питону это имя.

Почему бы и нет? Разве сам он – не Маугли в диких джунглях? И разве Учитель Чочинга не похож на медведя Балу?.. А его жены – на заботливых матерей-волчиц?.. Вот лишь Багира здесь отсутствовала. Конечно, Чия могла бы сыграть эту роль, ибо волосы и глаза у нее были черными, а движения – гибкими, как у пантеры. Но характером она совсем не походила на грозную царицу джунглей – плакала, когда Дик дрался с Цором, Цохани и другими мальчишками, сердилась и не разговаривала с ним по нескольку дней. Отец объяснял это по-своему, утверждая, что доминантой поведения тайтских женщин являются мир, неизменность и покой, – а было бы иначе, так мужчины перерезали бы друг друга еще в незапамятные времена.

Дик вытер со лба испарину, сунул нож – чтоб не болтался – под широкий поясной ремень и полез по камням к водопаду. Согласно условиям игры, он не имел права спускаться в лес, но ему позволялось сколь угодно блуждать по западным склонам Тисуйю и лезть вверх хоть до самых снегов и плоскогорья. Последний маршрут казался ему более привлекательным, так как за альпийскими лугами шло нагромождение скал и огромных камней. Спрятавшись меж валунов, он мог следить за Каа, переползавшим луговину, и вовремя забиться в какую-нибудь щель. Правда, эта тактика выручала не всякий раз: во-первых, изумрудного змея было трудно разглядеть среди зеленой травы, а во-вторых, Каа лазал по скалам не хуже самого Дика.

Вблизи ревущих яростных вод тело мальчика охватила приятная прохлада. Зрелище казалось ему изумительным: за спиной, на широком уступе, лежал поселок, а впереди грохотал тысячеструйный водопад, прыгал с утеса на утес, рычал и бесновался, порождая мириады дрожащих призрачных радуг. Пожалуй, в ширину он был не меньше, чем Днепр у Развилки, и всякий человек, потрясенный его гигантской мощью, счел бы поток неодолимым. Всякий, только не Дик и не мальчишки из Чимары; уж им-то хорошо были известны все тропки, ведущие на другую сторону и скрытые от чужих глаз туманной завесой воды. Эта дорога была весьма опасной, так как приходилось пробираться по скользким камням, но Дик одолевал ее не впервые и не испытывал тревоги.

Вступив на знакомую тропу, он вскоре скрылся под грохочущей водной завесой. Теперь справа от него шла мокрая черная скала, слева и сверху выгибался широкой стеклянистой аркой водопад; солнце, просвечивающее сквозь воду, казалось расплывчатым розовым диском. Здесь было не жарко – водопад, рожденный ледником, нес с собой знобящий холод горной вершины. Снег на высоких пиках Тисуию не *таял*, ибо уходили они к самым небесам, а отчетливой смены сезонов на Тайяхате не наблюдалось – планетарная ось была почти перпендикулярна экватору.

Половину лиги меж каменной и водной стенами Дик одолел минут за тридцать. Дальше начиналась луговина с короткой густой травой, сменявшейся кое-где завалами гранитных глыб. Округлые торчали будто щиты гигантских черепах, плоские тянулись серыми языками-потоками, а ребристые напоминали спинные гребни неведомых чудищ, задремавших на солнце, но готовых в любой момент вскочить и разинуть клыкастые жаркие пасти. Среди камней торчал багровый колючий кустарник, каким обсаживали в Чимаре загоны для скакунов, но здесь, неухоженный и дикий, он служил убежищем для змей и клыкастых крыс. Крыс, тварей наглых и неприятных, Дик не боялся, но змеи, особенно ядовитые, внушали ему почтение. И потому он устремился вверх, к скалам, стараясь держаться подальше от темно-красных узловатых кустов.

Ему удалось преодолеть луговину, когда за спиной, едва различимые за ревом воды, послышались тьяканье и азартное рычание. Дик проскользнул в извилистую трещину меж двух валунов, пал на землю, отдышался и осторожно приподнял голову. Вдалеке, среди зеленой травы, подпрыгивали два желто-багряных шарика, а за ними струилась изумрудная полоска, точно подгоняя их или пытаясь настичь.

Удача! Редкостная удача! Гепарды Учителя, озорные Шу и Ши, увязались за питоном, и можно было прозакладывать оба уха и все десять пальцев, что они от Каа не отстанут. А значит, хитрый старый змей не подкрадется невидимым, не свалится вдруг со скалы, не промелькнет изумрудной молнией среди трав, не врежется носом в ребра... Ох уж этот нос! Один его удар – и схватку можно считать проигранной! Если дело дойдет до схватки... Лучше бы перехитрить Каа и спрятаться понадежней... Как полагается Тени Ветра, невидимой, неслышной и неосязаемой...

Почесывая пальцами левой ноги икру правой, Дик в который раз стал размышлять об изумрудном Каа и прочих шестиногих и шестипалых обитателях Чимары. Все они – и скакуны с ветвистыми рогами, и быстрые гепарды, и охотничьи либо посыльные орлы, и питоны, и алые певуны с золотистой грудкой, и медоносные птицы, – все они проходили по разряду животных-друзей, соединенных с человеком Ритуалом Кровной Связи. Это значило, что на них нельзя охотиться и что они имеют законное право жить в поселке либо окрест него, на деревьях, в загонах или прямо в хижинах. Но они не считались человеческими слугами и помощниками, как гепарды Правобережья, в городах и на фермах землян; для народа тайят они были равноправными партнерами, столь же разумными – на свой, разумеется, манер, – как и сами люди. Животные стерегли и охраняли, несли послания или груз, делились целебным медом, яйцами и шерстью, а человеку полагалось любить их и защищать, лелеять

и холить. Отец, называвший эти отношения эквивалентным симбиозом, говорил, что тайят не отделяют себя от природы и животного мира и не числят людей владыками мироздания. Для них все живые существа были равны; иное дело, что одних считали друзьями, а других – врагами. Враги, медведи и кайманы, крысы и жабы, грифоны и двадцать видов хищных всеядных кабанов, являлись законной добычей, с которой можно было содрать шкуру и снять мясо с костей. Или отрезать уши, если речь шла о человеке из враждебного клана.

Внезапно Дик привстал и выглянул из своего убежища, напряженно всматриваясь в траву. Шу и Ши, вынюхивая его след, метались посередине луговины, от одних колючих зарослей к другим, а изумрудная полоска в точности повторяла их движения. Как привязанная! А такого быть не могло! Каа, обладавший тонким нюхом, скорее полз бы впереди... Да и двигался он побыстрее гепардов... Он был великим бойцом, этот Каа, умудренным годами, хитрым и многоопытным, совсем не похожим на легкомысленных Шу и Ши. К тому же его опыт и хитрость складывались с хитростью и опытом Учителя, что приводило к самым невероятным результатам. И сейчас Дик уверился, что за хвостами Шу и Ши волочится сухая змеиная кожа, наверняка привязанная Чочингой, а сам Каа – пять метров стальных мышц, два зорких глаза плюс нос-кувалда – затаился где-то поблизости. Быть может, за его спиной!

Если так, прятаться не имело смысла. Сообразив это, Дик привстал, задумчиво поскреб коленку и огляделся, составляя в уме диспозицию грядущей схватки. Пожалуй, стоит дать бой во-он у тех камней, поросших багряными колючками... Кусты прикроют спину, так что Каа придется танцевать перед ним, а не вокруг... И солнце будет светить в затылок, а не в глаза... К тому же можно отступить в кустики и передохнуть, если пляски Каа затянутся...

Он поднялся, отцепил тонкий метровый ремешок, привязанный к ножнам, и размотал его. Эта плетка была единственным оружием, какое допускалось в предстоящем поединке. Собственно, даже и не оружием, а чем-то вроде кисточки с краской – кончик ремня покрывал липкий белый порошок, оставлявший на змеиной чешуе заметные отметины. Для этого, конечно, приходилось хлестать со всей силы.

Раскрутив ремень над головой, Дик с боевым воплем выскочил из расщелины и устремился к заветным кустам. Еще на бегу он заметил, что верхушки колючек подрагивают, будто в зарослях возится стая клыкастых крыс, но это его не смутило. Крысами займутся Шу и Ши; да и вряд ли хоть одна высунет хвост из кустов, пока гепарды рядом.

Он занял боевую позицию спиной к камням и солнцу и вновь завопил – громко, вызывающе. Гепарды, золотисто-желтые, в багровых разводах, устремились к нему, волоча за собой сухую змеиную шкурку, а в стороне, метрах в тридцати, возникла над травами широкая морда Каа. Убедившись, что хитрость уже ни к чему, он перестал прятаться, выгнув туловище двумя высокими горбами и словно перетек, перелился по земле. Секунда – и блестящие змеиные кольца уже свиваются и развиваются в шести шагах от Дика, а воздух полон негромким шелестящим гулом. В отличие от земных питонов, Каа в такие моменты не шипел и не свистел, а как бы рокотал, испуская звук, подобный шуму летящего вертолета.

Примчавшиеся вслед за ним гепарды сели, вывалив розовые языки, и приготовились наслаждаться зрелищем. Ши, с алой маской вокруг глаз, изогнулся и лязгнул зубами, содрав с хвоста травяную бечевку; Шу избавился от привязи, наступив на нее лапой. Сидя, звери напоминали земных кенгуру: четыре пары задних ног скрылись в траве, а передние были аккуратно сложены вдоль оранжевого брюшка.

Каа, не обращая на них внимания, танцевал; его крохотные зоркие глазки были прикованы к Дикю. Огромное туловище питона то вздымалось под углом вверх подобно нацеленному в небо копью, то выписывало восьмерки, изящные эллипсы и параболы, то изгибалось волнами, острыми или покатыми, походившими на горные пики или морские валы под легким ветром. Эта пляска и сопровождавший ее тихий рокочущий гул завораживали; движения, временами плавные, временами – стремительные и угрожающие, не позволяли

предвидеть, откуда и как будет нанесен удар. А их в арсенале Каа насчитывалось немало! Коронным являлся выпад головой, сокрушительный хук, способный проломить ребра; но были и боковые удары, и обвивы, и подсечки спиной либо хвостом, а также хитрые подножки, сопровождаемые столь могучими толчками, что Дик прямо-таки взмывал в воздух. Словом, в схватке Каа стоил дюжины Цоров и Цохани взятых вместе, поэтому пару-другую отметин на его боках уже полагалось считать победой.

Мерный рокот сменился более высоким и резким звуком. То был явный вызов, и Дик, как положено вои-ну-тай, в свой черед приступил к Ритуалу Оскорблений. Губы его растянулись в пренебрежительной усмешке, пальцы левой руки зашевелились, в правой свистнула плеть. Еще в этот момент полагалось хлопнуть себя ладонями по ягодицам или показать из-под колена кулак, но на подобные обидные жесты рук у Дика уже не хватало. И потому он перешел к словесным оскорблениям.

– Ты, травяной червяк! Я отсеку твои уши и брошу их крысам! А пальцы твои будут гнить в выгребной яме!

Конечно, у Каа не имелось ни пальцев, ни ушей – во всяком случае, таких, какие можно было бы отрезать и швырнуть в крысиную нору. Однако Ритуал требовал непременно упоминания о пальцах и ушах, так что Дику приходилось следовать общепринятым канонам. За четыре года жизни в Чимаре он постиг, что сей обычай, как и другие традиции тайят, отнюдь не являлся пустой прихотью. Местные аборигены были сугубыми рационалистами, не обожествляли ни ветров, ни гор, ни звезд, ни солнца, не приносили жертв и не имели понятий о молитвах, загробном мире и отпущении грехов – как и о всемогущих существах вроде злого дьявола и доброго бога. Религия заменялась у них Ритуалами, определявшими правила Почитания Предков, Представлений и Приветствий, Празднеств, Поединков и Битв – и, разумеется, Оскорблений. Во всем этом, однако, не было ничего мистического, трансцендентного или колдовского. Предков почитали оттого, что всякому живому человеку приятно сознавать, что о нем вспомнят после смерти; Песни Представления, Прощальные Дары и Шнур Доблести служили напоминанием о родословной и свершенных воином подвигах; Ритуал Цамни определял правила игр и всевозможных искусств вроде плетения циновок и кузнечного ремесла; своим Ритуалам подчинялись сражения и схватки, празднества и оплакивание погибших, семейная жизнь и тонкие связи, объединявшие человека и животных-друзей. Оскорбительным телодвижениям и словам отводилось важное место в этом неписаном кодексе – таким путем противника лишали уверенности либо приводили в ярость. Кроме того, реакция на обиду и угрозу могла многое поведать о темпераменте воина, о его характере, выдержке и упорстве. Впрочем, все это относилось к людям, а не к питонам пятиметровой длины.

Дик, однако, продолжал изощряться в оскорблениях.

– Зеленая падаль! Скоро твой позвоночник повиснет на моем Шнуре Доблести! Я сокрошу твои ребра, пробью череп, выдеру зубы, набью шкуру гнилой травой! Чтоб сдох ты в кровавый закат! Чтоб ты лишился всех пальцев! Пусть высохнет кровь на твоих клыках! Пусть...

Каа сделал стремительный выпад, Дик отскочил, его ремень впустую свистнул в воздухе, гепарды в волнении взвыли. Новая атака! Дик опять промазал, тогда как жесткая змеиная чешуя прочертила алый след над его коленом. Ши заскулил – судя по всему, он являлся болельщиком Дика; Шу, торжествуя восторженно, поскреб задней лапой живот. Огромный питон поднял верхнюю часть тулова над травой, согнул шею, уподобившись знаку интеграла, и уставился на противника холодным заволаживающим взглядом.

Удар! Дик подпрыгнул, живая зеленая колонна мелькнула под ногами, кончик хвоста задел щиколотку.

– Чтоб не дожить тебе до дневного имени, мокрица! – выругался он.

Но Каа оставался бесстрастен; такие проклятия его, само собой, не задевали. Если же говорить о людях, а не о змеях, то утреннее имя человек обретал в возрасте пяти-шести лет, и давали его старшие родичи, а до того малыш звался просто одним из первых или вторых сыновей. Дневное имя подросток получал от Учителя – к примеру, Дик был назван Две Руки и с именем этим мог прожить до старости, если будет сопутствовать ему боевая удача. Достигнув же преклонных лет, он удостоится права избрать вечернее имя, с коим всякий воин-тай отправлялся в Погребальные Пещеры, оставив родичам Прощальные Дары. Каа, друживший еще с дедом Чочинги, мог бы похвастать целым набором вечерних имен, ибо век его был долог, как тени высочайших вершин Тисуйю-Амата. А посему он не обиделся на глупого человечьего детеныша, но лишь свернул тело упругой восьмеркой, приоткрыл пасть с внушительными клыками и ринулся в новую атаку.

На сей раз удача Дика не обошла – питон промазал, зато ремешок оставил четкую белую отметину на его хребтине, в полутора метрах от головы. Ши и Шу разом взвыли: один – горестно, другой – с явным торжеством. Но в следующую секунду их вопли перекрыло хрипкое грозное рычание, и Дик, обернувшись, с ужасом увидел, как из колючих багровых зарослей вылезает саблезуб.

Вероятно, он охотился там на крыс – его морда, похожая на кабанью, была перемазана алым, а с клыков, длиной в ладонь и загнутых книзу, тоже срывались красные капли. Жесткая щетина за ушами стояла дыбом, крохотные глазки злобно сверкали, и под нижней челюстью, уродливой, точно проржавевшая крышка сундука, свисали сосульки вязкой желтоватой слюны. Хоть Дик и не встречался прежде с подобными тварями, но эти угрожающие симптомы были вполне понятны: голодный и злой кабан мог впасть в яростное неистовство, когда нет различий меж понятиями «пища» и «враг». Пожалуй, и в таком состоянии его удалось бы отпугнуть «вопилкой», но кто же берет с собой «вопилку», отправляясь к водопадам? Только не Дик Саймон, Тень Ветра! Впрочем, здесь, почти у самого селения, не было никаких опасных тварей...

Однако саблезуб на мираж никак не походил, и не было сомнений, что за пару минут он стопчет и самого Дика, и обоих гепардов. От такого чудища не убежишь! На вид кабан отличался массивностью и грузностью, но мог потягаться в проворстве с шестиногими скакунами – само собой, на ровном месте, поскольку в зарослях скакун ему и вовсе не соперник. Так что вся надежда была на Каа, хоть в сравнении с саблезубом он принадлежал другой весовой категории – тянул килограммов на сто пятьдесят, а кабан – на добрых шесть центнеров. И выглядел несокрушимым, словно танк.

Все эти мысли молниеносно промелькнули в голове Дика, а в следующее мгновение он уже стоял в боевой позиции, согнув спину и напружинив ноги. Нож, его единственное оружие, был плохой защитой от саблезуба и никак не мог заменить ни большого копья цухидо, ни тяжелой секиры томо, коими полагалось сражаться с таким чудовищем. С другой стороны, битва могла вестись без правил, ибо саблезуба не охранял закон Кровной Связи. Если навалиться всей компанией...

Они навалились. Не успел кабан выскочить из зарослей, как Шу и Ши повисли у него на задних ногах, а Каа, прекративший свои танцы, нанес сильный удар в бок, покачнувший саблезуба. Нож Дика прочертил кровавую полосу по жесткой шкуре, но атака была такой стремительной, что всадить клинок поглубже ему не удалось.

Дик отскочил. Гепарды тоже прыгнули в разные стороны. Зрачки их мерцали боевым огнем, хвосты были задраны вверх, но из разверстых пастей не вырывалось ни звука – игры кончились, начался бой, а в бою полагалось хранить молчание. Каа застыл, свернувшись широким кольцом в траве; его голова чуть заметно раскачивалась, будто питон выбирал, куда нанести новый удар.

От рева разъяренной бестии у Дика заложило в ушах. Зверь поводил огромной головой, из-под широких когтей-копыт летели комья земли, пропитанная кровью слюна свисала с губ. Он явно не мог решиться, кого же терзать сначала – то ли наглого человечка с ножом, то ли зубастых проныр-гепардов, то ли огромную змею, чьи удары были посерьезней зубов и ножа. Правда, и эти удары не мнились саблезубу столь уж опасными – его ребер, будто вырубленных из камня, питон проломить не мог.

Однако Каа все же попробовал, нацелив новый удар под самое ухо. Нос у него был крепкий, но череп врага – еще прочней; и Дик в свой черед убедился в этом, пытаясь вонзить лезвие меж крохотных, пылавших бешенством глазок. Ши висел слева, на средней ноге кабана, Шу – справа, на задней, а питон, слегка ошеломленный своим последним выпадом, подсек передние. Совместными усилиями они свалили противника, но тот с гневным ревом взбрыкнул, мотнул головой, страшные челюсти лязгнули у самого запястья Дика, а через мгновение мальчик уже парил в небесах, подброшенный страшным ударом.

Дыхание у него пресеклось, руки и ноги одеревенели. Он решил, что умирает; вершины недалеких скал вертелись перед ним, а еще выше, в небесной голубизне, отплясывало огненную сарабанду солнце. Казалось, прошла целая минута, пока ему удалось вздохнуть, пока мир перестал дрожать и кружиться, вновь сделавшись устойчивым и прочным. Всклипнув, Дик приземлился на ноги и машинально вытер нос – боль в боку терзала раскаленными клещами, по щекам текли слезы. Он знал, что не должен плакать, ибо Учитель Чочинга говорил в своих наставлениях так: день не видит слез воина, ночь не слышит его рыданий, и лишь в краткий миг рассвета могут увлажниться его глаза. Но должен он оплакивать только павших друзей и родичей, а не свои обиды и раны.

Друзья и родичи – то бишь Каа с двумя гепардами – были еще живыми, а потому Дик закусил губу и пощупал справа, под мышкой и пониже. Ребра оказались в целости, но под ними наливался багрово-сизым цветом чудовищный синяк, и вид его странным образом успокоил Дика. В былые годы тетка Флори лечила этакое наложением серебряной монетки, но здесь понадобился бы целый поднос – и одна мысль об этом подносе, полном льда и приятно охлаждающем, придавала бодрости. Дик покосился на саблезуба, перед мордой коего, отвлекая, метались Шу и Ши, пробормотал: «Ну, тварь, держись!..» – и начал отыскивать взглядом Каа.

Питон смотрел на него вопросительно, ожидая команды, точно в их пестрой компании именно Дик был старшим и от его решения зависело, лягут ли они костями на этом зеленом лугу или вернутся домой с победой и честью. Глаза у Каа тускло мерцали, пасть приоткрылась, а перед ней метался узкий и длинный язык, будто змей хотел прошептать: вспомни!.. Вспомни, что не клинок в руке, а я – главное твоё оружие! Я, Каа! Я, могучий и стремительный! Я, живое копьё и прочный аркан! Вспомни о том и скажи, что делать!

Он вспомнил.

Губы Дика сложились трубочкой, раздался резкий повелительный свист – один из многих приказов, каким обучал его Наставник, – и в тот же миг они с питоном ринулись к кабану. Теперь Каа не старался ударить; быстро скользнув в траве, он обхватил хвостом средние ноги саблезуба, а клыками вцепился в складку на отвисающем животе. Новый свист, и челюсти гепардов сомкнулись у зверя на ушах, когти впились в толстую, заросшую бурой щетиной кожу; кабан яростно мотнул головой, но сбросить эти живые капканы не смог.

Дик Саймон по прозвищу Две Руки, воин из клана Теней Ветра, уже сжимал коленями его шею, заносил широкий длинный нож – и ярость пела в его душе, холодная ярость бойца, впавшего в транс цехара. Ярость, как утверждал Учитель, скует из воды топор, свяжет из травы копьё, и отец говорил о том же, хоть и совсем другими словами – про биохимию, гормоны и адреналин. Слова были разными, а суть – единой, и сводилась она к тому, что всякое чувство полезно, если умеешь им управлять, если ты господин, а не раб своего гнева.

Дик помнил от этого – памятью тела, не разума. И оттого ярость не кружила ему головы, а удесятерила силы, текла, как положено, от плеч к пальцам, переливалась в рукоять ножа, горячим потоком струилась по клинку. В этот миг, растянутый магией цехара, он ощущал и видел все: скрученное восьмеркой тело змеи, сковавшей саблезуба, бешеный высверк кабаньих зрачков, смертельную мощь челюстей, готовых сомкнуться на брюхе Шу, и стиснутый меж коленями горб каменных мышц. Эта живая броня прикрывала шейные позвонки, столь же каменно-твердые и прочные, соединенные упругими дисками хрящей, – панцирь, прятавший нить жизни, такой же хрупкой и уязвимой, как у любого живого существа. Теперь Дик знал, куда ему нужно нанести удар.

Нож опустил, проткнул толстую кожу загривка, прорезал плоть, преодолел пружинистое сопротивление хрящей – прочных, твердых, но уступивших гневному напору стали. Дик почувствовал, как содрогнулось тело саблезуба, и в ту же секунду, будто нож разрушил магическое заклятие, возобновился стремительный бег времени. А его оставалось мало – ровно столько, чтоб убраться от этой полумертвой туши, не погубив ни себя, ни гепардов, ни древнего змея Каа. Он знал, что эти трое сейчас повинуются ему и без команды не отпустят кабана – так и будут держать, пока тот не растопчет их в предсмертной агонии. У друзей-животных были свои понятия о жизни, о смерти и долге перед человеком.

Пронзительно свистнув, Дик прыгнул – вверх и в сторону, перекувырнулся, встал на ноги. Кабан с протяжным ревом бил копытами в землю, оседая на круп, но Каа уже выскользнул из-под массивного тяжелого тела; раскачиваясь на хвосте, он холодно разглядывал умирающего врага. Ши, победно завывая, кругами носился в траве, а Шу зализывал царапину на брюхе – видать, свел-таки знакомство с пастью саблезуба. Дик подошел к нему, присел, раздвинул густой подшерсток и убедился, что знакомство оказалось не слишком близким. Шу облизал ему потный лоб шершавым жарким языком.

– Ты хороший парень, – сказал Дик, – и доблестно сражался. Пусть когти твои будут остры, зубы – крепки, а пасть всегда полна мяса.

При упоминании о мясе Шу воодушевился и лизнул Дика в нос. Ревнивый Ши, прекратив выписывать в траве пируэты, положил морду на плечо мальчика, потерся о щеку и взвизгнул, требуя своей доли похвал. Дик произнес нужные слова – не оттого, что так диковато было Ритуалом Кровной Связи, но из любви и уважения. Впрочем, уважение было основой любого Ритуала, и даже оскорбляя врага – достойного врага, а не хищную тварь вроде саблезуба, – полагалось не забывать об этом.

Дик повернулся к неподвижной чудовищной туше кабана. Зрачки зверя остекленели, шерсть на загривке опала, и огромные клыки длиной в ладонь казались теперь совсем нестрашными – так, просто два заостренных желтоватых колышка, торчащих среди кровавой пены. Дик шагнул к сокрушенному им гиганту, но Ши и Шу, панически взыв, заступили путь. Долг их был еще не выполнен, и оба гепарда минут пять трепали уши кабана, покусывали рыло и принюхивались, пока не убедились, что зверь мертв. Только тогда Дик был допущен к своей добыче и к своему клинку.

Он с усилием вытащил нож, осмотрел его и двумя резкими сильными ударами отсек кабаньи уши. Это входило в победный ритуал, являясь одновременно напоминанием победителю, призывом к осторожности и благоразумию. Осторожность и хитрость значили не меньше, чем отвага и телесная мощь; недаром многие из поучений Чочинги начинались со слов – побереги свои уши. Но саблезуб, вероятно, не имел такого мудрого Наставника, как Чочинга Крепкорукый, и теперь ему предстояло расстаться не только с ушами. Ибо Учитель говорил: отрезав врагу уши, не забудь про печень.

Печень Дику была не нужна, он понимал это высказывание в переносном смысле, а потому, найдя увесистый булыжник, принялся вышибать саблезубу клыки. Каа следил за ним крохотными блестящими глазками, и никто не мог бы сказать, чего в них больше – одобре-

ния или насмешки. Он был древним существом, слишком умудренным жизнью и слишком гордым, чтобы ластиться или выпрашивать похвалу, как непоседливые Шу и Ши. Дик знал об этом.

– Ты прости, – негромко сказал он питону, орудуя своим булыжником, – прости, что я обзывал тебя травяным червем. Так полагается перед схваткой, понимаешь? На самом же деле ты – великий боец! И если б не твоя помощь, я бы сегодня лишился печени. – Тут он низко склонил голову и добавил ритуальные пожелания: – Да будут прочными твои зубы и целыми – уши! Пусть голос твой летит до Небесного Света, и пусть расстанешься ты с жизнью в самый прекрасный из дней, какие сияют над Тисуйю-Аматом!

Каа довольно заурчал и обнял хвостом ноги Дика.

* * *

Возвращались они верхним путем, ибо Дику захотелось наведаться в один приятный уголок повыше в скалах, где водопадные струи продолбили глубокую выемку среди гранитных плит. Очутившись в этой природной ванне, он с облегчением вздохнул: его синяк под действием холода уже не горел огнем, а лишь напоминал о себе тупой ноющей болью. Вскоре и она затихла – поток, струившийся с горных вершин, был целебным, врачующим в равной степени недуги тела и души. Последнему способствовал прекрасный вид – на Чимару, млевшую под жарким солнцем, на озеро, таинственно мерцавшее внизу, на лес, что изумрудным кольцом обнимал синие воды и тянулся на запад, до Миссисипи и Днепра, до Правобережья и шумных земных городов, казавшихся Дику теперь миражами или сном далекого детства.

Здесь, в Тисуйю-Амат, они с отцом были единственными потомками землян, а за три минувших столетия, быть может, еще десяток их соплеменников удостоился чести повидать Чимару. Место это не являлось священным – священных мест прагматики-тайят не имели вовсе, – но было как бы озарено харизмой удачи, благополучия и покоя. Тайят, весьма ценившие постоянство и неизменность, не желали видеть здесь суетливых чужаков, их машин, их железных летающих птиц и даже их животных – ни друзей и ни врагов, а так, прислужников, либо живое ходячее мясо. Об этом ясно говорилось в Договорных Браслетах: пришельцы живут в Правобережье по своим обычаям и законам, а в тайятских лесах обычаи – тайятские, и каждый, кто хочет прогуляться на левый берег, должен такое право завоевать – ножом, мечом или копьем. Избытка желающих не наблюдалось, поскольку четыре руки и воинское мастерство были вескими доводами в пользу тай.

Вдобавок к этим своим достоинствам они отличались невероятным упрямством. Арбалет нравился им больше карабина, посыльный орел мнился надежнее радифона, а язык они признавали только свой, игнорируя все попытки обучить их русскому, английскому или санскриту. В равной степени игнорировались имена, даваемые им пришельцами, – фохенды, четырех-рукие демоны, мангусы или ракшасы. Их солнце называлось Тисуйю или Небесным Светом, луна – Тенью Тисуйю, звезды – Искрами Небесного Света, мир – Тайяхатом, и в этом мире они звались тайят, и никак иначе, и были не демонами, но людьми; а кому сие не нравилось, мог проваливать хоть в рай, хоть в ад, хоть в галактическую пустоту.

Но люди – те, что с двумя руками, – предпочли остаться и договориться.

Тайяхат был найден индийцами еще в Эпоху Великого Разъединения и практически сразу включен в межзвездную транспортную сеть. С высоты двух-трех лиг он немногим отличался от Старой Земли, России, Колумбии, Европы или любого другого из десятков кислородных миров, отысканных и исследованных за пятьдесят лет Исхода. Как и повсюду, тут были океан и суша, огромный материк, напоминавший очертаниями земную Евразию, были зеленые леса – тайга в умеренном поясе и джунгли – в жарком, были горные хребты,

высокие вершины и ледники, засушливые или плодородные плато, были степи, холмистые или ровные, как стол, были реки, озера и внутренние пресные моря. А еще изобилие всякой жизни, на суше, в воздухе и в водах, а также – разумные существа, что являлось не столь уж большой редкостью, ибо в период Исхода земные экспедиции трижды вступали в контакт с примитивными инопланетными культурами.

Но Тайяхат оказался «тяжелым» миром. Тяготение здесь было на четверть мощнее земного, и, дабы скомпенсировать сие обстоятельство, эволюции пришлось даровать всякой живой твари лишнюю пару ног, рук, лап или крыльев. В остальном же, если не считать шести конечностей и более внушительной мускулатуры, животные Тайяхата разительно походили на земных. Многих можно было бы считать домашними – например, охотничьих гепардов и рогатых скакунов с шестью голенастыми ногами, весьма напоминавших канадского лося, – ибо туземцы-тайят разводили их с незапамятных времен и опекали с редкостной заботой. Другие создания, похожие на крокодилов, медведей, оленей, антилоп и кабанов, являлись дичью или охотниками – в зависимости от ситуации и собственных аппетитов. Особенным разнообразием могло похвастать семейство кабанов, всеядных тварей, чьи габариты и темперамент варьировались в весьма широких пределах. Рогатые кабаны были небольшими и драчливыми, любили яйца, орехи и сладкие фрукты; длинноногий кабан обитал в степях, охотился на антилоп и по своим повадкам мог считаться местным аналогом волка; кабан-носорог ел земляные плоды и редко прикасался к мясному – за исключением разве лишь медоносных птиц; огромный кабан-саблезуб был опасным хищником и жрал всех, кого мог одолеть, начиная от медведей-гризли и кончая крысами.

Водились в южных тайятских джунглях животные совсем экзотические – вроде мастодонтов с мягкой шерстью метровой длины, ядовитых мечехвостых ящериц-игуан, гигантских страусов и их ближайших хищных родичей – грифонов, нелетающих, но скачущих с поразительным проворством; обитали на юге забавные и безобидные жирафы-кенгуру о четырех ногах и с неким подобием руколап, чудовищных размеров насекомые, а также реликты давно минувшего времени – вроде зубастого рекса и плезиозавров. Особенностью здешних змей являлась пестрота раскраски и наличие рудиментарных конечностей, а птицы делились на два больших семейства: одни, подобно страусам и грифонам, были двукрылыми и четырехпалыми, у других же имелась только пара лап, зато крыльев – вдвое больше.

В отличие от высоколобых земных специалистов, охотники-тай не разделяли животных на классы, семейства, виды и подвиды. Их классификация была гораздо проще и практичней: звери опасные, вроде саблезу-бов и медведей, считались врагами, безобидные – законной добычей, а редкостные и красивые – наслаждением для глаз. И в полном соответствии с этой табелью о рангах они сражались с кабанами, гигантскими жабами и стаями клыкастых крыс, охотились на антилоп и оленей и приваживали к своим поселкам медоносных птиц, золотисто-алых канареек-певунов, белочек пинь-ча и больших питонов, превосходных сторожей, способных управиться с любым ядовитым гадом.

Сами же аборигены тоже были явлением уникальным – по нескольким причинам сразу. Во-первых, имея понятие о земледелии и скотоводстве, они не занимались всерьез ни тем ни другим, предпочитая охоту и сбор лесных плодов, – и, что любопытно, отнюдь не голодали. Во-вторых, им были известны металлы; они вырабатывали сплав золота с серебром, мельхиор, бронзу и отличную булатную сталь. Но хоть их оружие было превосходным, а кубки и блюда – выше всяких похвал, они не чеканили монет, не копили сокровищ, а понятия «ценный» и «дорогой» являлись для них синонимом прекрасного или чего-то редкостного, с чем связаны воспоминания минувших дней. В-третьих, на всем огромном материке жил один народ, не разделенный на племена и нации, на княжества и королевства, о коих тайят не ведали ни теперь, ни в эпоху глубокой древности. Но, несмотря на это, они воевали – вернее, свирепо сражались друг с другом, подчиняясь определенным правилам и кодексу

поединков и битв. В-четвертых, у них не было ни религии, ни храмов, ни жрецов и владык любого ранга – ни наследственных монархов, ни вождей, избранных демократическим путем. Власть, однако, была, и ее в одних обстоятельствах осуществляли женщины, а в других – мужчины.

Наконец, существовали «в-пятых», «в-шестых» и так далее – весьма основательный список загадок и тайн, буквально завороживший земных биологов, ксе-нологов и этнографов из Исследовательского Корпуса. А посему с народом тайят был заключен договор, согласно которому пришельцам даровалась западная окраина материка, обширное пространство площадью в пять земных Франций; и на эту территорию в последнее десятилетие Исхода были переброшены трансгрес-сорным каналом два десятка земных городов. Индийцы, первооткрыватели, отправили сюда Бахрампур, Тхан и Пуну; Штаты и Россия, проявившие живейший интерес к тайятским секретам, – часть Нового Орлеана, Смоленск и дюжину городов помельче; Европа была представлена поляками, населявшими Гданьск, а Выборг и нижнее течение Невы считались совместным русско-шведским регионом. Как и повсюду, люди давали привычные названия озерам, рекам, заливам и горам, и вскоре на картах Правобережья возникли Днепр и Ганг, Миссисипи и Лазурное Взморье, Ладожский Разлив и Финская Губа – и многое другое, ставшее с течением лет таким же привычным и естественным, как повышенная гравитация и шестипалое зверье.

За три последующих века население Правобережья достигло четырех миллионов, но еще задолго до этого Тайяхат получил статус Колониального Мира – что являлось, разумеется, чистой условностью. На девять десятых он все-таки принадлежал фохендам, четырех-руким демонам-ракшасам, и этим отличался от остальных Колоний и Протекторатов ООН – таких, как Сингапур, Галактический Университет, Таити, Дальний Берег или Полигон. Здесь человеческие поселения были, в сущности, лишь базой – обширным научным и аграрно-промышленным комплексом, чье назначение состояло не в колонизации и глобальном терра-формировании планеты, а в ее исследовании. Самый же лучший способ исследования, как полагали эксперты ООН, сводился к тому, чтоб сделать ее своей родиной – если не целиком и полностью, как Южмерику и Россию, Колумбию и Китай, Европу и Уль-Ислам, то хотя бы частично.

Реальным следствием сей политики явилось то, что люди жили на Тайяхате четвертый век, с успехом плодились и размножались, привыкнув к повышенному тяготению, и для многих из них – переселенцев десятого, двенадцатого или пятнадцатого поколений – мир этот был привычным и родным. Разумеется, речь шла о Правобережье – и, конечно, его обитатели в подавляющем большинстве уже не вспоминали, что живут здесь благодаря любопытству кучки биологов и ксенологов из Исследовательского Корпуса. Кучка, правда, была внушительной – нью-орлеанский и смоленский ксенологические центры насчитывали по двадцать тысяч сотрудников, и еще столько же трудились в филиалах и на биостанциях Лазурного Взморья, Запроливья и Финской Губы.

Все шло своим чередом: прибавилось людей, прибавилось специалистов, прибавилось и знаний. Не только о природе Тайяхата, но также об упрямых тай-ят, никак не желавших сменить арбалеты на карабины, а посыльных орлов – на радиотелефон и компьютерную связь. Как выяснилось со временем, они являлись великими рационалистами, способными дать сто очков форы землянам, подверженным многим миражам вроде технического прогресса, национальной гордости, идеи всеобщего равенства и религиозно-философскому поиску смысла жизни. У тайят не было религии, ибо они не испытывали страха перед неизбежной кончиной и не нуждались в утешении; они твердо знали, что уйдут в Ничто, и сей факт воспринимался ими хоть и без радости, но и без всякой трагической окраски.

Столь же неоспоримым был для них и тот факт, что жизнь по сути своей проста и не должна усложняться ничем, что не приносило бы удовольствия или прямой и ясной пользы.

Людям нужны кров, одежда, пища и некий дополнительный интерес: женщинам – семья и дети, детям – игры, мужчинам – подвиги и слава, а всем им – Ритуальный Кодекс, возможность блеснуть изысканной речью, острым словцом и знанием традиций. Чего ж еще?..

И в соответствии с этой жизненной тезой тайят не стремились объять необъятное подобно человечеству Старой Земли, зато были избавлены от социальных потрясений, экологических катастроф и расовой ненависти, а вместе со всем этим – от президентов и правительств, гангстеров и чиновников, полицейских и генералов, шпионов и террористов, нищих и проповедников, сулящих бедным рай на земле или в небесах – смотря по тому, была ли их доктрина марксистской, христианской, мусульманской или неокapиталистической. Тайят прекрасно обходились без этого – как и без сотен различных наречий, без множества враждующих племен и поползновений захватить чужое – дом, пастбище, имущество, землю.

Идея о владении землей казалась им нелепостью. Земля просто была ив равной степени принадлежала всем – и людям, и животным, и растениям. На лучших и красивейших землях, откуда человек изгнал зверей-врагов, строились женские поселки, и там, в покое и безопасности, мог жить всякий – со своими женами и детьми или с братом, самым близким из кровных родичей. Жаждающие воинских подвигов уходили в лес, объединялись в кланы, избирали военных вождей и обитали в мужских лагерях, совершенствуясь во владении оружием, вступая в схватки и единоборства, приобретая и теряя. Приобретением были слава и Шнур Доблести с костяшками пальцев побежденных, потерей – те же пальцы, уши или жизнь. Каждому свое, считали тай, и говорили: боевая секира рубит кости, а топор – поленья.

Одним из их неразгаданных секретов была некая странность процесса воспроизводства – странность, разумеется, лишь с точки зрения пришельцев-землян. В физиологическом смысле тайят казались во всем подобными людям, если не считать лишней пары конечностей; секс доставлял им такое же удовольствие, а роды были столь же неприятными и мучительными. Но рождались у них всегда однополые близнецы, и с вероятностью сто к одному женщина приносила потомство единожды за весь репродуктивный период. В результате численность их популяции оставалась почти неизменной и, как полагали ксенологи, не превышала шестидесяти-семидесяти миллионов, хотя континент мог прокормить вдесятеро большее население.

У этой аномалии были весьма важные последствия. Каждый тай имел брата, каждая тайя – сестру, и это казалось им столь же естественным, как смена дня и ночи. Брат или сестра были самыми близкими родичами, с коими расставались лишь на пороге Пещер Погребений; братья-близнецы всегда избирали в жены сестер, жили с ними в полигамном браке, и дети их считались общими. В тайской семье из четырех партнеров у ребенка было два отца и две матери – си'та и теи'та, родившая мать и вторая мать. Иных различий – не считая самого факта рождения – меж ними не делалось. Что касается числа «четыре», то его полагали приносящим удачу и, желая выказать приязнь, говорили: да пребудут с тобой Четыре алых камня, Четыре яркие звезды и Четыре прохладных потока.

Сестры, хозяйки в домах тайят, отходили в Вечность почти одновременно, но мужчинам-воинам случалось терять братьев. Это было великим горем, но если брат пал в бою в расцвете зрелости, горе все-таки считалось не таким страшным; оставшийся в живых завершал свой путь не в одиночестве, а с женами и детьми. К тому же он мог мстить за смерть брата на Поляне Поединков, что само по себе служило немалым утешением. Совсем иной была ситуация, когда один из близнецов погибал в детстве – не от болезней, коих тайят практически не знали, но по случайной причине. Осиротевший всю жизнь носил клеймо несчастного, отмеченного злой судьбой; такой мужчина или такая женщина не могли завести семью, и век их обычно был короток. Подобное происходило, но редко, очень редко, и тех, кто лишился в детстве сестры или брата, звали «ко-тохара» – неприкаянными.

И потому, во мнении тайят, пришельцы со Старой Земли являлись существами ущербными и несчастными. Мало того, что все они страдали врожденным увечьем, отсутствием двух рук; мало того, что жизнь их была суматошной и бесцельной, не сулившей ни воинской славы, ни покоя; мало того, что им приходилось подчиняться сотням нелепых законов и глупых ритуалов, – кроме всех этих бед, судьба лишила их близкого родича. Одни из них были в полном смысле неприкаянными, другие имели сестер или братьев, но не таких, как «умма» или «икки», увидевших свет мгновением позже или раньше; и лишь ничтожному меньшинству был дарован более счастливый жребий. Но и эти близнецы заводили каждый свою семью, расставались со своими икки и умма, то ли не понимая, то ли не желая знать, что теряют самых близких людей на свете.

Странные создания! Настолько странные, что лишь немногие из них были способны думать так, как думают тайят. Это, разумеется, не добавляло им конечностей и братьев, но хотя бы приближало к настоящим человеческим понятиям... И если этот человек – мужчина, если он мог сразиться с воином-тай и выиграть схватку, если такое происходило не один раз, то полагалось считать его почти своим. А если к тому же некий воин – из тех, что потеряли родичей, – признает его за брата, то...

...Каа ткнул Дика носом, напоминая, что время течет, что в животе пусто, а неразделанный саблезуб тухнет под жарким солнцем, так что прожорливые Ши и Шу – не говоря уж о благородном змее! – не смогут слопать ни куска. Дик, размышлявший о Чочинге и своем отце, поднялся, стряхнул с тела прохладные капли и свистнул игравшим неподалеку гепардам. Пробираясь меж камней, они стали спускаться к поселку, и Дик, оставив мысли о загадках человечества Земли и Тайяхата, предался сладким мечтам.

Он победил саблезуба! Великий подвиг, что ни говори... Такое не снилось ни Цору, ни Цохани, ни остальным парням, промышлявшим за водопадами крыс, жаб да рогачей... Наставник будет доволен, отец – горд, а Чия наверняка поплачет, поволнуется, а потом уведет его куда-нибудь подальше от Чиззи и остальных любопытных девчонок, чтоб расспросить о битве, разглядеть страшные клыки и коснуться ладошкой его ран... Эта мысль – о тонких теплых пальчиках Чии, о похвале Учителя и радости отца – будоражила Дика куда сильнее, чем сознание собственной ущербности. «Сражайся так, словно у тебя четыре руки», – говорил Чочинга, и был безусловно прав.

Само собой, брата ему не хватает, отец – одинединственный, мать-си'та умерла, а вместо теи'та – тетушка Флори... Ну и что с того? Что с того, что он – ко-тохара, неприкаянный и несчастный? Так считают тайят, но у людей с Земли свои обычаи, а он все-таки земной человек! Хотя, говоря по правде, уже немного тай... Или совсем не немного? Насколько? На четверть или наполовину? И не превратится ли он в тайя совсем, спустившись в лес, в воинский лагерь Теней Ветра?

Не превратится, решил Дик, покосившись на свои руки. Хотя бы потому, что в Правобережье слово «ко-тохара», заимствованное из тайятского, имеет совсем иной смысл. Так называют сына, старшего и единственного, наследника имени предков, – а разве он не последний мужчина в роду Саймонов? Ричард Саймон Две Руки, сын Филипа Саймона Золотой Голос и Елены Прекрасной! Неплохо звучит...

Дик ухмыльнулся и ускорил шаги.

* * *

Вечером, когда его спина согнулась под грузом славы, он не выдержал, сбежал из поселка вместе с Чией к пропасти – туда, где горный склон черно-бурой стеной обрывался вниз, к прозрачным озерным водам. Учитель хвалил его умеренно, в похвалах отца звучала

тревога, а вот соседи восторгались искренне и от души. В основном тайя, хозяйки жилищ: во-первых, потому, что саблезуб, гуляющий в окрестностях Чимары, мог натворить всяких бед; а во-вторых, кабанье мясо считалось деликатесом, и каждый понимал, что Саймоны, со всей семьей и зверьем Наставника, не съедят его даже за месяц. Мысль эта была правильной, и когда Чулут, сын Чочинги, кликнул клич, три десятка мужчин тут же собрались за водопады, разделывать кабана.

Этим они и занимались до самого вечера, подбрасывая лакомые кусочки Шу и Ши.

Вообще-то у Чочинги и его погибшего брата Чу было две дочери и два сына. Дочери давно хозяйничали в собственной хижине, и сыновья тоже были женаты – но Чулут, кузнец и оружейник, жил в Чимаре, а Чоч, великий мастер метать копья и рубить секирой, большей частью пропадал в лесах, поддерживая боевую семейную славу. Дик как-то видел Чоча и убедился, что сын Наставника – бравый воин: уши и пальцы целы, а Шнур Доблести свисает до колен.

Закат, пылавший над лесом, стал меркнуть, и на смену ему сквозь зубчатые горные вершины проскользнула луна – бледно-серебристая, с темным пятном у левого края, похожим на распластавшую крылья птицу. На западе – там, где солнце утонуло в зеленой лесной чаще, – зажглись самые первые и самые яркие искры Небесного Костра. Черная пропасть меж ними казалась бездонной, но Дик знал, что вскоре ее заполнят столпотворение звезд, калейдоскоп цветных огней и туманные призрачные спирали газовых облаков. Ночи Тайяхата были тихими, теплыми и чарующе прекрасными.

Он сидел в траве у самого обрыва, а Чия стояла на коленях позади, крепко прижавшись к нему. Две ее ладони лежали у Дика на поясе, а верхняя пара рук теплым полукольцом обхватывала ребра; подбородок девушки упирался в плечо, щека касалась его щеки, и твердые маленькие груди прижимались к лопаткам. Пожалуй, тетушка Флори сочла бы такую позу несколько вольной, но здесь, в тайятских землях, были свои понятия о нравственности. Чия обнимала его, потому что он был ей приятен, и физический контакт являлся в таком случае естественным и необходимым продолжением их дружбы. Дружбы, не более! Все остальное придет или не придет, смотря по тому, чем кончится дружба. Скорее ничем, подумал Дик, ведь у него нет брата, а Чия не может расстаться с Чиззи. В конце концов, кто он ей? Друг... Приятель... Неприкаянный с Правобережья... Почти калека... А Чиззи – сестра! И Чиззи нравятся Цор с Цохани, а еще – Сотанис и Сохо из Клана Звонящей Воды, из тех, что носят голубые повязки, украшенные бирюзой... Жаль, что у него нет брата!

– Было страшно, Ди? – шепнула девушка. Чия не любила звать его дневным именем, словно оно подчеркивало ущербность Дика и обидную разницу меж ними.

– Страшно? Нет... пожалуй, нет. Не хватило времени пугаться. Дрался, думал, как пришибить эту тварь, а потом... – Дик наморщил лоб, припоминая, – потом разозлился и вроде бы впал в цехара...

– Без огня и ножа? – в ее голосе прозвучало удивление. – Разве такое бывает?

– Бывает. Учитель как-то сказал, что нож и огонь – луна и солнце, серебряное и золотое, холодное и жаркое... И все это мы носим с собой, всегда, в собственном сердце... Конечно, если глядеть на клинок и пламя, быстрее войдешь в транс, но умелый воин и без этого обойдется.

– Ты будешь умелым воином, если захочешь, – сказала Чия, помолчав. – Только вернись из леса, Ди... вернись... И пусть Четыре звезды озаряют дорогу, которой ты возвратишься ко мне.

Путь в никуда, подумал Дик, но вслух ничего не сказал, а только погладил хрупкие пальчики Чии.

– Ну, говори! – потребовала она. – Говори же! Значит, ты не испугался, и это хорошо... Это правильно... Ведь даже женщины знают – от саблезуба не убежишь, надо драться или

лезть на дерево. Или на скалу... А разве за водопадом мало больших камней? И к чему было драться? Ты мог бы...

– Не мог, – он покачал головой. – Не успел бы добежать. А если б успел, так погибли бы Шу и Ши, а с ними – змей Учителя... Что ж ты думаешь – они стали бы драться за меня, а я – прятаться? Хорошо? Правильно? – Тут Дик чуть-чуть передразнил Чию и со вздохом добавил: – Цор бы смеялся... Сказал – вот ушли человек, змей и два шестилапых охотника, а вернулся один пинь-ча...

– Да, Цор смеялся бы, – в свой черед вздохнула Чия. – И Цохани, его умма, тоже бы насмешничал и хохотал... Они не любят, когда я с тобой провожаю солнце.

– Обоим уши оборву! – с чувством пообещал Дик. – Две жабы, а мнят себя орлами... Вот Сотанис и Сохо хоть и не моего клана, а люди как люди... Серьезные и первыми в драку не лезут... Оч-чень положительные юноши!

– Ты так думаешь? – с сомнением спросила Чия.

– Уверен! На твоём месте... То есть я хочу сказать – на вашем месте, твоём и Чиззи, я постарался бы с ними подружиться. Они не сбегут в лес – ну, может, сбегут, да ненадолго. Знаешь, Сотанису нравится резать дерево и шлифовать камни, а Сохо учит ловчих зверей, здорово учит! Они у него на задних лапах бегают... Сам видел!

Девушка промолчала. Над ними, расправив широкие крылья, взмыл орел и вдруг метнулся вниз, к утопавшим во тьме лесу и озеру, стремительно превращаясь в расплывчатый темный силуэт. Несет послание, мелькнуло у Дика в голове. Чия, будто очнувшись, шепнула ему в ухо:

– Не хочу слушать о Цоре, о Сохо и Сотанисе... Говори про другое! Рассказывай! Там, за водопадами, ты играл с танцующим змеем... А после? Что случилось после?

Историю схватки и славной своей победы Дикун пришлось излагать уже не единожды, но сейчас замешательство охватило его; не хотелось бы, чтоб Чия думала, будто он хвастает и привирает. Он вдруг с пронзительной ясностью осознал, что любое событие, случай, деяние, факт можно описать совсем по-разному – так, что будут они восприниматься со слезами или смехом, станут трагедией или комедией, фарсом или драмой. На миг могущество слов, произнесенных либо написанных, поразило его; еще не понимая, он сделал сейчас одно из великих открытий, какие свершаются в юности, на пороге, отделяющем мальчика от мужа.

– Мы танцевали, я и Каа... – пробормотал Дик. – Мы бились у зарослей красной колючки, и я нанес первый удар... пометил ему шкурку... а потом хотел достать еще... И вдруг вылез этот! – Он коснулся клыков, болтавшихся на шее, на тонком ремешке, – первой своей добычи, первого из украшений Шнура Доблести. Чия, наклонившись и прижав теплую щеку к его щеке, тоже провела по ним ладошкой. Пальцы у нее были теплыми и нежными.

Наступило молчание. Казалось, Чия больше не собирается расспрашивать его, будто два клинка из твердой гладкой кости уже поведали о том, что ей хотелось знать. О челюстях, щелкнувших у самого запястья Дика, о комьях земли, летящих из-под когтей-копыт, о свисающей с морды зверя окровавленной слюне, о яростном сопении и злом, недобром высверке алых зрачков... Что тут еще сказать, подумал Дик. Он жив, а саблезуб – мертв, и это самое главное. Жизнь принадлежит сильным, как утверждает Учитель.

Заметив, что ему не хочется говорить о битве за водопадами, Чия сменила тему: подняв личико вверх, принялась расспрашивать о небе без воздуха и облаков, где пылают Искры Тисуйю, и о том, как перебраться с одной Искры к другой – не на железных ли птицах, подобных «пчелке», принесшей Ди в Чимару? Дик объяснил, что вертолеты в пустоте не летают и что до Искр не доберется даже большой корабль, космолет с ионным двигателем, поскольку Искры далеки и лететь пришлось бы целое столетие. «Зачем же нужен этот ко-апп-ль?» – спросила Чия. «Ну, например, – сказал Дик, – чтоб странствовать с планеты на планету в любой из обитаемых солнечных систем. Ведь Искры Небесного Света не одиноки – около

них кружат миры, похожие и не похожие на Тайяхат, и есть среди них такие, что слеплены из раскаленных каменных глыб или холодного тумана, только плотного, вроде воды. Но воду эту нельзя пить, так как она и не вода вовсе, а жидкий водород, из коего делают топливо для термоядерных реакторов. А чтоб возить топливо к энергоцентралям на спутниках, нужны корабли, и блок-контейнеры, и много всяких других машин, которые плавают в водородном океане и называются сепараторами, обогащателями, компрессорами и еще по-всякому, так что каждое из этих слов длиннее питона Каа, если мерить его от носа и до кончика хвоста».

«Выходит, – спросила Чия, – нет таких железных птиц, таких ко-апп-лей, чтоб долетели от нас до самой близкой Искры Тисуйю?» – «Выходит, нет, – подтвердил Дик. – Никто еще – ни страны Колумбии и Европы, ни Россия, ни Южмерика, ни Китай – не построил корабль с квантовым приводом, который мог бы преодолеть межзвездное пространство и отправиться, скажем, на Старую Землю. Да и к чему такой звездолет? Ведь есть Пандус, а для него все миры лежат на расстоянии шага... ну, не шага, так десяти шагов... И если хватает энергии, то можно перемещать города, леса и даже целые горы, как делалось в Эпоху Исхода... И можно попасть куда угодно, хоть в населенный мир, где есть станции межзвездной связи, хоть в совсем дикий, где никто еще не бывал. Так, как когда-то земные разведчики попали на Тайяхат...»

«Тайяхат – не дикий мир, – гордо возразила Чия, —

Тайяхат – Мир Людей! Или кому-то кажется, что тай и тайя – дикари? Кому-то, кто бродит среди Искр Небесного Костра, забыв про свою родину?»

Дик поспешил ее успокоить, и Чия, сменив гнев на милость, поинтересовалась, зачем же нужны ко-апп-ли, которые возят топливо к этим рее-тто-рам? Если можно попасть куда угодно, забрав с собой целую гору? Если из мира в мир ведут дороги длиною в десять шагов? И если ходить по этим дорогам так же просто, как по тропинкам вокруг Чимары?

Это был хороший вопрос, но ответа Дик не знал. Почти в каждом мире Большой Десятки имелся космический флот, хотя, казалось бы, необходимости в том не было никакой – сквозь устье Пандуса могли проскользнуть не то что горы, а целые астероиды размером в полсотни лиг. Однако всюду строили корабли – разумеется, не в Колониях, а в Стабильных Мирах, и сей факт казался Дикун необъяснимым. Во всяком случае, его учебный компьютер не давал объяснения – ни в курсе общей истории, ни в обзорах развития техники, межзвездного транспорта и связи, ни в лекциях о политическом устройстве Разъединенных Миров.

Надо будет спросить у отца, отметил Дик, в задумчивости поглаживая свисавшие с шеи клыки саблезуба.

Странное чувство – быть может, вызванное вопросами Чии, – охватило его. Он сидел тут, на краю огромной террасы, словно мошка на колене гиганта, – сидел и поглядывал в темную пропасть внизу и в бескрайнее небо, усыпанное яркими искрами звезд и мнившееся в этот поздний час кубком черного хрусталя, опрокинутым над землями и водами. Тьма под ногами, где бродили в лесу шестилапые чудища, где воины сотни кланов выслеживали друг друга, принадлежала Тайяхату; небеса с пылающими узорами созвездий – Разъединенным Мирам. Он пребывал меж этих двух реальностей, и каждая заявляла на него свои права, и право каждой мнилось неоспоримым. Так кто же он? Будущий воин-тай, носитель Шнура Доблести, или потомок землян, мальчишка, чье место рядом с учебным компьютером?

Примирить два этих мира было куда сложнее, чем справиться с саблезубом. Возможно, они не желали заключать перемирия, а каждый хотел забрать Дика себе, завладеть им полностью, и каждый манил его своими собственными миражами. Здесь, на Тайяхате, была родина; были отец, Чочинга, тетушка Флори, была память о матери, были закаты и рассветы над горным хребтом, которые он встречал с Чией. Но бездна вверх, баюкавшая в темных своих объятиях мир, который он считал родным, и мириады других миров, куда человек успел или еще не успел добраться, напоминала, что Вселенная велика, а Тайяхат лишь кро-

печная ее частица. Там, в вышине, вращались у разноцветных солнц планеты, десятки планет, обитаемых и вполне достижимых, и где-то среди них плыла Земля, Мир Исхода, еще не забытый, не ставший легендой, но недоступный, а потому загадочно-притягательный и влекущий с особой силой.

Где же она, Земля? Где золотое земное Солнце?

Дик откинул голову, всматриваясь в темные тайя-хатские небеса, однако они молчали.

КОММЕНТАРИЙ МЕЖДУ СТРОК

– Вчера ты опять была с ним? – спросила Чиззи.

– Да.

Ответ Чии прозвучал коротко и сухо; она явно не желала обсуждать подробности.

Чиззи, сложив под грудью нижнюю пару рук, а верхней обхватив себя за плечи, потянулась. Кожа ее отливала светлой бронзой, стан и запястья были тонкими, бедра и ягодицы – крепкими, округлыми, налитыми. Не девочка – юная девушка в поре наступающего расцвета... Не поднимая глаз на сестру, свое зеркальное отражение, Чия знала, что выглядит точно такой же. Они были как два бутона на ветке дерева син'о, как два цветка, что встречаются лишь парами, превращаясь со временем в плоды – чуть удлинненные, сочные, с бархатистой кожицей и сросшимися черенками.

– Ты – моя икки, – сказала Чиззи с ноткой легкого осуждения. – Ты должна брать меня с собой.

– Должна, – согласилась Чия. – Но ты же знаешь, у Ди нет брата.

– Нет. Он – ко-тохара...

– Это неправильно, неверно! Ди мне объяснял... У нас – ко-тохара, а у них – старший сын, единственный, как Свет Небесный, как Тень Тисуйю... У них ведь все иначе, икки!

– Но мы-то у нас, а не у них, – возразила практичная Чиззи, и Чие пришлось признать, что сестра права. – У них свои обычаи, у нас – свои. И мы – разные. Если б у Ди был брат, они все равно не могли бы подарить нам детей.

Чия нахмурилась.

– Откуда ты знаешь?

Чиззи, дразнясь, высунула кончик розового языка.

– Знаю, вот!.. Спрашивала у Саймона Золотой Голос!

– И что он сказал?

– Сначала он долго смеялся.

– А потом?

– Потом тоже смеялся. А посмеявшись, вздохнул, погладил мне спину и сказал: время мчится словно ловчий зверь, один плод зреет, другой – стареет.

Чия нахмурилась еще больше.

– И это все?

– Нет, не все! Он сказал, что есть медоносные птицы, а есть певчие, и могут они любиться друг с другом, но птенцов не будет. Он хотел объяснить почему, но я не поняла...

– Не поняла про птиц? – молвила Чия.

– Нет, с птицами-то все понятно... А вот отчего птенцов не будет? – Чиззи наморщила гладкий лоб. – Хочешь, спроси ты... Ты ведь умнее меня.

Чия покачала темноволосой головкой.

– Не спрошу. Зачем? Главное сказано: мы – медоносные птицы, а они – певчие.

– Или наоборот.

– Или наоборот.

Чиззи помолчала, потом, искоса взглянув на сестру, лукаво улыбнулась.

– А вот с Цором и Цохани мы одной породы! Что скажешь?

– Скажу, что Ди отрежет им уши! А зачем нам мужья без ушей? – Сделав паузу, Чия потерла висок, словно что-то припоминая, и продолжила: – Мне больше нравятся Сохо и Сотанис... Они такие серьезные и первыми в драку не лезут. Они не сбегут в лес – ну, может, сбегут, да ненадолго. И ты знаешь, икки, Сотанис режет дерево и шлифует камни как настоящий мастер, а Сохо учит ловчих зверей... Хорошо учит! Они у него на задних лапах бегают – Ди сам видел!

Чиззи кивнула.

– Я же говорю, ты умнее меня. Ты выберешь так, как будет лучше нам обеим. Сохо с Сотанисом красивые и спокойные... Глаза у них словно полированный черный камень, а волосы темны, как ночной водопад.

– Глаза цвета неба еще красивей, – со вздохом сказала Чия. – Синие глаза и золотые волосы... Таких ни у кого нет, только у Ди...

– Синие глаза? Не уверена, что это красиво, – заметила Чиззи.

Но у Чии на сей счет было свое мнение.

ГЛАВА 3

Ичегара, боевая секира с коротким древком, была тяжела, будто один из каменных пиков Тисуйю-Амат. Дик, стараясь не сбить дыхания, осторожно подвел левую руку с топором к груди, перехватил древко правой и вытянул ее на всю длину. Теперь левая рука отдыхала, но, провисев все утро вниз головой, с увесистым грузом, он менял руки все чаще и чувствовал, что вот-вот запросит пощады. Однако нужные слова никак не приходили на ум, а когда приходили, то не могли сорваться с языка, и это было правильно: воин не должен просить о снисхождении.

Он висел на древесной ветке рядом с отцовской хижиной, пустой и темной, так как Саймон-старший недели две назад отправился в Орлеан – сдать отчеты и доложиться на семинарах своей секции. Дик, как бывало не единожды, остался при Чочинге и его женах, Ниссет и Най. Ниссет кормила его, Най поила, а Наставник заботился о том, чтобы все съеденное и выпитое не задержалось у Дика в животе. Сейчас Чочинга сидел на пороге своей пещеры, тянул долгую заунывную песню, отмерявшую время, изредка прерывая ее поучениями и внимательно посматривал на ученика.

Ученик болтался меж небом и землей словно переспевший плод в коричневой кожуре. Щиколотки его обхватывала плетенная из травы веревка, привязанная к одной из длинных прочных ветвей, и над ним, защищая от солнца, шелестели огромные листья шоя, похожие на растопыренную пятерню. Среди них уместился пинь-ча, старый Диков знакомец, взиравший на него с искренним состраданием, – видно, зверек не мог сообразить, за что же большой четырехрукий, живущий в пещере, мучает его приятеля. Но Дик догадывался, что главные мучения впереди. У дерева шой была еще одна ветвь, голая и безлистная, и Чочинга давно намекал, что на ней тоже придется повисеть, – на самом солнцепеке, с двумя топорами в вытянутых руках. Стен в пещере Наставника было не видно под всяким смертоносным оружием, и Дику оставалось лишь гадать, о каких топорах речь, – кроме ичегары, имелись еще ка-ни'да, вдвое увесистей и шире, и большая секира томо, с парой лезвий, копейным острием и древком толщиной с голень.

Тут, в тени, Чочинга подвешивал его уже месяцев шесть, с того самого дня, как Дик сразился с саблезубом за водопадами. Сначала висеть приходилось пятнадцать минут по утрам и вечерам, позже – с рассвета до полудня, зато лишь три раза в неделю. В такие дни Дику давали яйца медоносных птиц и кобылье молоко, смешанное с горьким древесным соком, будто он был женщиной на сносях. Впрочем, диета, как и упражнения, пошли ему впрок: он вытянулся, почти догнав отца, и в самых неожиданных местах начали наливаться мышцы.

– Ууу-ааа-оооу-иии-ааа-оооу... – монотонно тянул Чочинга, а над плечом его раскачивалась изумрудная змеиная голова. Наставник и его змей бдительно следили за Диком в четыре глаза, но последний месяц поправлять его уже не приходилось. Он висел как полагается – полностью расслабившись, и только рука со стиснутым в ней топором была напряжена в привычном усилии. Наставник говорил, что висящий должен уподобиться мешку с мягкой шерстью, в которую воткнули копьё: мешок отдыхает, копьё настороже, мешок спит, копьё бодрствует.

В том-то и заключался весь фокус! Сила, конечно, важна, но в бою побеждают стремительность и точность удара. А если противники равны умением и быстротой, то выиграет опять-таки не сила, а искусство сберечь ее, не растратив попусту, и вложить в решающий удар. Тут все едино – бьешься ли ты с оружием или врукопашную, со щитом или без него, с ножом длиною в ладонь или с тяжелой секирой. Главное – научись отдыхать! Стой, жди, падай, двигайся, уклоняйся, и пусть тело твое будет расслабленным, словно мешок, набитый

мягкой шерстью; но в то мгновение, когда наносится удар, мышцы твои пусть станут тетивой, мечущей стрелу. Однако не все мышцы: если бьешь легким клинком, напрягай кисть, если колешь копьем – кисть и предплечье, если рубишь секирой – руку и мускулы спины... Только одну руку, остальные пусть отдыхают...

Вздохнув, Дик переложил ичегару из правой руки в левую. Других запасных конечностей у него не было, и приходилось довольствоваться тем, что есть.

– Ууу-ааа-оооу-иии-ааа-оооу... – пел Наставник, и, повинувшись тягучей мелодии, Каа склонял голову то влево, то вправо, уставившись на Дика темными колючими зрачками. Пару минут Дик представлял себя спелой сочной грушей из садика тетушки Флори, такой же мягкой, как мешок с шерстью; затем начал вспоминать один забавный древний фильм, сохранившийся с Эпохи Исхода или с еще более ранних времен. Речь там шла о благородных рыцарях-джедаях, спасавших Галактику от чудищ и всяких плохишей, а самый главный воитель проходил курс боевых наук у таинственного Наставника с неведомой планеты. Тот Наставник был крохотным существом и на вид совсем не походил на Чочингу, но методы их представлялись Дику почти адекватными. Чем тяжелей, тем лучше! А потому носись по острым колям босиком, бегай по раскаленным углям, постигай таинства цехара, сражайся с питоном, пока семь потов не сойдет, гнись дугой в песчаной яме, держи булыжник меж колен, виси, как спелая груша...

Не собирается ли Чочинга сделать из него джедая?

Прервав заунывный мотив, Наставник хлопнул ладонью о колено, чтоб привлечь внимание Дика.

– Пока уши твои на месте, Две Руки, внимай и запоминай – и ты, быть может, сохранишь их целыми. – С этой традиционной формулы начинались все поучения Чочинги. – Вот путь Смятого Листа, скрывающий силу твою и умения: должен ты сделаться жалким и тощим, как полумертвый червяк, копошащийся в гнилых листьях. Ноги твои должны быть согнуты, спина – сгорблена, руки – свисать до колен, голова – опущена, взгляд уперт в землю... И хорошо, если пальцы твои будут дрожать, глаза – слезиться, а с нижней губы потечет слюна. Запомни, ты – смятый растоптанный лист среди зеленых и сочных; ты слышишь Ритуальные Оскорбления, но не подвластен гневу; ты видишь жест угрозы, но не отвечаешь на него... – Тут Чочинга задумчиво приставил палец к носу. – Нет, можешь ответить! Можешь обмочиться, и пусть слюны потечет еще больше, а пальцы будут дрожать еще сильнее! Ты понял? Ты должен выглядеть таким жалким, будто на твоём Шнуре Доблести нанизаны одни крысиные клыки!

– Зачем? – пробормотал Дик, стараясь держать ичегару параллельно земле. Пинь-ча, тарасивший на него темные глазки-бусинки, сочувственно пискнул.

– Затем, что воин без хитрости как стрела без перьев – может, улетит далеко, а цели не найдет. У хитрости же много дорог... Есть путь Теней Ветра: никто не должен разглядеть тебя, а ты видишь всех, ты прячешься среди скал и деревьев, трава не шуршит под твоими ногами, тело не испускает запахов, кожа покрыта листовым соком и обсыпана землей... Есть путь Звонящих Вод, когда кости твои становятся жидкими, и ты не падаешь, а проливаешься дождем, не бежишь, не прыгаешь, а течешь и струишься подобно ручью... А кто может изловить ручей? Кто может нанести ему рану? – Чочинга сделал многозначительную паузу. – Есть путь Горького Камня и Холодных Капель, путь Серого Облака и Извилистого Оврага, путь Горной Лавины и Шепчущей Стрелы... Сколько кланов, столько хитрых путей! И путь Смятого Листа говорит: стань жалким червем, не показывай своей силы, ибо разгадавший ее враг уже наполовину выиграл сражение. Тебе понятно, сын Саймона?

– Понятно, – отозвался Дик, переложив топор из руки в руку. Если он ухитрялся довести до самого конца, не выронив секиры, то разрешалось перерезать веревку лезвием, в противном случае он должен был развязывать узел, изогнувшись как тот самый червяк, про

которого толковал Чочинга. Не слишком приятное занятие! Но за последний месяц он уронил топор только однажды, когда Учитель выплеснул ему на спину кувшин ледяной воды.

– Ууу-ааа-оооу-иии-ааа-оооу... – тянул Чочинга, и звуки эти отдавались у Дика в голове, заставляя вспомнить и осмыслить сказанное поучение. Он повторил его трижды, переведя на русский и английский, размышляя над хитростями тайятских кланов и думая о времени, когда Чоч, сын Чочинги, придет за ним, чтоб отвести в лес, в лагерь Теней Ветра. Не так уж долго ждать – месяцев девять или десять! А пока он постранствует с отцом... может, в Левобережье, а может, они поднимутся на восточное плато, где тоже есть женские поселки... Или пойдут на север, осмотрят копи в ущелье Бинитар и кузницы при них... Обязательно пойдут, если отпустит Учитель...

Пока что отец, отправляясь в свои лесные экспедиции, Дика с собой не брал, но в окрестностях Чимары, на мирных землях, они ходили вдвоем, пробираясь горными тропами от одного женского поселения к другому. Филип Саймон относился к числу немногих специалистов-землян, допущенных на склоны Тисуйю, и работы у него всегда хватало. Последние три-четыре года он посвятил демографии: пробирался к самым дальним поселкам, подсчитывал, сколько в них женщин в репродуктивном возрасте, сколько мужчин занимаются ремеслом и живут с семьями, а сколько спустились в лес, дабы украситься Шнурами Доблести. Особенно он любопытствовал насчет местностей, где рождаемость была выше, чем в других поселках; он утверждал, что там, где рождается больше мальчиков, больше мужчин предпочитают связать судьбу с каким-нибудь из боевых кланов, а это означало, что лишь единицы из них доживут до сорокалетия. Видимо, в тайятском обществе действовал некий социальный инстинкт, регулирующий численность популяции, но механизм его был совершенно не изучен – как и причины пробуждения в тайят особой воинственности.

Во время одного из этих походов, когда Дик прожил в Чимаре месяцев шесть или семь, отец привел его к ущелью за южными водопадами. Там гигантская трещина рассекала склон Тисуйю, гранитные стены круто обрывались вниз, а на дне, среди травы и колючих алых кустов, громоздились рваные каменные обломки, одни – величиною с глайдер, а другие – не больше футбольного мяча. Каньон расширился к западу, напоминая формой наконечник тайятского копья цухи-до, и у самого его устья хаос каменных глыб исчезал, будто остановленный деревьями – не очень высокими, но толстыми, с мощными корявыми стволами и густой листвой. Слева от них серебрился водоем, и озерный берег, как показалось Дик, был расчищен от камней, сложенных поодаль изогнутым, заросшим колючкой валом.

Отец остановился на краю обрыва и долго глядел вниз. Дик ждал, посматривая на него в недоумении, – брови Саймона-старшего сдвинулись, на лбу и у самых губ пролегли глубокие складки, и чудилось, будто он постарел разом лет на двадцать. Смятый Лист, сказал бы Дик теперь, но тогда боевые хитрости аборигенов были ему неведомы, и он просто подумал, что отец чем-то огорчен.

– Там, в ущелье, заброшенный лагерь Быстроногих... Был когда-то такой клан, вырезанный Холодными Каплями... Мы с твоей мамой спускались туда. – Филип Саймон помолчал, наматывая на палец прядь светлых волос. – Спускались, осматривали Поляну Поединков на берегу озера, загон для скакунов, кузницы, колодцы, развалины хижин... Там очень много змей, – добавил он с запинкой.

– Каких змей, дад? Вроде танцующего питона Чочинги?

– Нет, сынок. Совсем крохотные змейки, длиной в ладонь. Очень странные, не боятся ультразвука, о чем мы не подозревали... – Заметив, что Дик не понимает, отец объяснил: – Животные Тайяхата и многих других миров обычно не выносят высокочастотных звуковых колебаний – вроде тех, что излучаются нашими «вопилками», – он коснулся плоской корбочки на поясе. – Это звуковой эмиттер, и такие же, только более мощные, стоят на башенках Периметра вокруг Смоленска и пригородных ферм. Человек этих звуков не слышит, а

звери пугаются... Но не все, сынок, не все... Те змейки не боялись... и были они очень ядовитыми... и очень быстрыми... Такими быстрыми, что я не успел...

Отец смолк, обнял Дика за плечи и прижал к себе с такой силой, будто боялся, что сын сейчас спрыгнет в змеиное ущелье. Они простояли так с четверть часа, не разговаривая и лишь рассматривая обрывистые склоны, поросшие кустарником в мелких белых цветах, и кипенье зелени внизу, скрывавшей разгромленный стан Быстроногих. Потом отец отпустил Дика и глухо пробормотал:

– Ты запомни это место... И еще запомни: не тот враг страшен, что прет в лоб, а тот, что прячется за углом.

– Ты сказал поучение, дад? Как Чочинга? – Дик отвернулся, размазывая слезы по щекам.

– Поучение? Может быть... Если б я мог дать тебе столько поучений, сын, чтоб хватило на всю твою жизнь!

Но поучать отец не любил, поучения были прерогативой Чочинги, и он изрекал их в таких количествах, будто в самом деле собирался снабдить ими Дика на всю последующую жизнь. Как нанести оскорбление и как ответить на него, когда горевать и когда веселиться, как оказать другу почет и как утратить врага, как поминать предков, как найти пищу в горах и в лесных дебрях, как раствориться среди трав, зарослей и камней, стать невидимым и неслышимым, песчинкой меж гор песка, листком в древесной кроне... Как говорить с животными, предлагая им мир или бой, как отвести угрозу и успокоить хищника, когда напасть, когда схитрить, где удариться в бега, а где – стоять насмерть... Разумеется, все поучения подкреплялись практикой, и если Чочинга толковал о ножах, не приходилось сомневаться, что их надо будет метать и жонглировать ими в воздухе, представив, что рук у тебя не две, а четыре или даже шесть. Равным образом не делалось скидок и снисхождений, когда речь шла о копьях, дротиках и бумерангах, о мечах и топорах, о луках и арбалетах, и о Большом Сагатори, классическом поединке в четыре раунда – с двумя клинками и двумя щитами, с двумя щитами, клинком и копьем, с четырьмя клинками, с двумя клинками и двумя секирами.

Иногда Дик испытывал тягостное недоумение, пытаясь представить, где и когда пригодятся ему эти искусства. Приятно, если твой дротик летит в цель, а гибкий изогнутый клинок-мотуни поет в руке и рассекает падающий лист на шестнадцать частей... Приятно! Годится, чтоб поражать девушек и сделать карьеру в цирке! Но вот Ритуал Оскорблений и Угроз... Предположим, станет он не циркачом, а ксенологом, как отец, и объявится у него начальник – вроде толстого лысого Джефффри Айвора, шефа орлеанской базы... И однажды шеф призовет его на ковер, начнет возить носом, показывать пятый угол и стряхивать пыль с ушей – но вполне корректно, вполне цивилизованно, как водится меж ученых людей... И что он сделает? Что скажет? Чтоб ты лишился всех пальцев, лысая жаба! Чтоб сдох ты в кровавый закат! Чтоб твою печень сожрал шестилапый кайман! Чтоб...

Дик ухмыльнулся, представив лицо Джефффри Айвора, милейшего джентльмена и обладателя трех докторских дипломов. Ухмылка его была так широка, что он чуть не выронил секиру. В следующее мгновение он вдруг осознал, что песня Наставника смолкла, зато пинь-ча верещит и мечется по ветке с такой скоростью, будто хочет догнать свою тень. Затем Дик услышал знакомый стрекот «пчелки», а вскоре и разглядел ее в разрывах листвы – лазурный силуэт под призрачным зонтиком винтов, зависший в бирюзовых небесах. Машина плавно пошла к земле, гул сделался громче, напоминая боевое урчание Каа, над поляной пролетел стремительный теплый ураган, взвихрились сухие травинки, а пинь-ча, ужаснувшись, прыгнул вниз и в поисках спасения вцепился Дик в волосы.

– Дад! – завопил Дик, выпуская нагретое солнцем древко секиры.

Филипп Саймон спрыгнул в траву, задрал голову вверх, нашел взглядом сына и поинтересовался:

– Давно висишь, парень?

– С рассвета. – Осторожно пошарив рукой, Дик выдрал пинь-ча из волос и перебросил на крышу веранды, к флагштоку с голубым вымпелом ООН. Зверек, не любивший вертолетов, царапался и панически верещал. – С самого рассвета, – повторил Дик, глядя, как встает Учитель, делая жесты приветствия и почтения, как изумрудный змей свивает кольца у его колен, как, медленно опускаясь, плывут в воздухе бурые ниточки травы.

Кивнув, отец повернулся к Чочинге: согласно обычаю, пришедший из леса, равно как и спустившийся с небес, считается гостем и первым слушает песнь хозяина, даже если прибыл он в свой собственный дом, в свою семью и к своим женам. Это являлось мудрой традицией тайят – делать праздник из каждой встречи; ведь никто не мог сказать, удастся ли свидеться вновь.

Чочинга запел, и Дик, вспоминая ту первую песню, что звучала здесь годы и годы назад, улыбнулся, подумав: бежит время... Тогда он был глух и нем и видел не Учителя Чочингу, а сказочного исполина или демона, владыку змей... И такими же загадочно-непонятными были Чия и Чиззи, Цор и Цохани, пинь-ча и ало-золотистая птица-певун, что сидела у Цора на плече... Но время все расставило по своим местам: Учитель был теперь Учителем, Чия – задушевным другом, Цор – соперником. Может, врагом.

Но что гораздо важнее, теперь Дик понимал каждое слово в песне Чочинги, и все эти слова обрели для него вес и смысл, значение и цель. Он мог бы сам продолжить песню с любой строфы, как если бы вдруг обратился в пожилого воина-тай, Наставника клана Теней Ветра. Он больше не был чужаком.

Учитель пел:

Я – Чочинга, носивший дневное имя Быстрой Копья,
Я – Чочинга, чье имя вечера Крепкорукый,
Я – Чочинга, чьи отцы Чах Опавший Лист
и Чеуд Потерявший Сына,
Я – Чочинга, чьи матери Хара Гибкий Стан
и Хо Танцующая В Травах,
Я – Чочинга из клана Теней Ветра, Наставник воинов,
Я – Чочинга Несчастный; брат мой Чу пал от ножа
Звонящих Вод,
Я – Чочинга Счастливый; брат мой Саймон стоит на пороге.

Конечно, если б эта песня предназначалась воину чужого клана, Чочинга не стал бы поминать свои несчастья и радости, но пустился в перечисление побед, убитых врагов, отрубленных пальцев и отрезанных ушей, украшавших его Шнур Доблести. А под занавес он непременно спел бы о том, что его уши и пальцы целы и что за сорок лет сражений и поединков он не потерял ни ногтя, ни волоска. Но такую Песню Вызова поют перед боем, дабы устрашить врагов, а сейчас Чочинга встречал друга.

Он закончил приветствие, отец ответил глубоким сочным баритоном, а после они уселись меж обрамлявших вход в пещеру резных деревянных колонн и начали делиться новостями. Дик висел вниз головой, посматривая то на валявшуюся в траве секиру, то на застывший посреди поляны вертолет, то на веранду с креслами и столом, где серебрился плоский квадрат его учебного компьютера. Отец прилетел, и все вдруг переменялось: хижина больше не выглядела темной и пустой, сухая ветвь на самом солнцепеке уже не была мрачным напоминанием о завтрашних муках, а яйца с кобыльим молоком казались вполне приемлемой пищей. Да что там яйца! В эти мгновения Дик готов был простить даже глупого пинь-ча, по чьей вине уронил секиру.

Отец больше слушал, чем говорил, ибо новости с Правобережья Чочингу не слишком интересовали. Наставник же пустился в долгие перечисления, кто из воинов и какого клана посетил Чимару, у кого прибавилось украшений в Шнуре Доблести, а у кого убавилось пальцев либо ушей и кто, по достоверным слухам, отправился в Погребальные Пещеры. Огласив весь перечень, Чочинга сообщил, что ученик его здоров и бодр, ест за троих, спит как медведь в сухой сезон, и хотя клинки его еще не окрасились кровью, но этот торжественный день не за горами. Нет, не за горами! Ибо в учебных схватках – разумеется, с оружием, но без ритуала членовредительства – Две Руки одолел Хенни умма Хадаши, Сохо умма Сотанис и Цигу умма Цат. С Хенни он бился секирой и длинным клинком, с Сохо – двумя клинками, а Цигу поверг ударами копья и щита, наставив ему синяков от печени до загривка. Славный был поединок! Из тех, что греют сердца Наставников и отцов!

Рассказывая об этом, Чочинга повысил голос, ибо хвалить и ругать ученика считалось в равной мере делом полезным. Хвалы, как и ругань, побуждают усердие; усердие – источник ошибок и достижений, а те, в свою очередь, служат поводом для порицаний и похвал. Так замыкался кольцом педагогический метод Чочинга, исполненный глубокой мудрости, – ведь во все эпохи и во всех мирах кнут и пряник весьма способствовали ученью. Что Дик и познал на собственном опыте.

Когда взрослые наговорились, отец покосился на него и будто бы невзначай произнес:

– Ну, вот я и вернулся, крепорукий брат мой... Может, по такому случаю снимешь моего сына с ветки?

– Не знаю, не знаю... – Чочинга, прищурившись, взглянул на солнце и покачал головой. – Время вроде бы вышло, однако топор он уронил. Неуклюжий парень! И слишком нетерпеливый. Удивляюсь, как он справился с Хенни, Сохо и Цигой!

Это было совсем нелегко, отметил Дик, напрягая по очереди мышцы плеч, груди, живота и бедер. Подобный массаж тоже являлся одним из умений, коими ему полагалось владеть. Раньше, повисев минут двадцать, он чувствовал, как кровь приливает к затылку, но теперь научился справляться с этим ощущением. Сердце его стучало ровно, дыхание не сбивалось, и без тяжелой ичегары он мог бы висеть на дереве шой с рассвета до заката.

Но Чочинга больше не собирался испытывать его терпение – ладонь Наставника поднялась и с гулким шлепком рухнула на колено. По этому знаку Дик сложился в поясе, вытянул руки, подтянулся и, оседлав ветвь, вступил в поединок с хитроумными узлами. Ему понадобилось целых три минуты, чтоб выиграть эту схватку; затем он спрыгнул вниз и с торжествующим воплем бросился к отцу.

* * *

Случалось, время играло с Диком Саймоном в странные игры. Иногда оно шло с удивительной медлительностью, плелось неспешно и нехотя, и день казался длинным, точно изумрудное туловище питона Каа, а всякое дело – будь то еда или сон, тренировки или поединки, занятия с компьютером или прогулка с Чией – представлялось будто бы погружением в вечность. Иногда время ускоряло ход и даже несло галопом, так что те же самые события, уроки и трапезы, поход за водопады или танец на раскаленных углях и головоломные прыжки в песчаной яме делались соразмерными с тем внутренним отсчетом часов, минут и секунд, который Дик инстинктивно вел про себя. Но бывало так, что время словно проваливалось куда-то, уподобляясь водным потокам, грохочущим на окраинах Чимары. Вот струя ударила о верхний уступ; миг – и она уже на нижнем, но в это неуловимое мгновение вместился целый месяц или целый год... И лишь взирая на два уступа, меж коих был совершен стремительный прыжок, сообразишь: вот – прошлое, вот утро, когда возвратился отец,

а вот – настоящее, вот нынешний день, не отмеченный ничем значительным и серьезным. Но куда же девалось все остальное? Все, чему полагалось быть между «сегодня» и «вчера»? Или, если обратиться к событиям глобальным, между текущей эпохой и Эпохой Исхода?

Дик размышлял над этими загадками с компьютером на коленях, просматривая лекцию по сравнительной истории средневековых времен и современной эпохи. Перед ним на плоском экране сменялись карты, схемы и чертежи, сопровождаемые текстом; иногда «Демокрит» снисходил до устных объяснений, и его негромкий бас звучал внушительно и уверенно, как и положено голосу педагога, знающего все обо всем – или хотя бы многое о многом. Дик устроился на веранде, прямо на полу, наслаждаясь вечерней прохладой, а рядом с ним сидела Чия, склонившаяся над кучкой прутьев и сухой травы. Пальцы ее порхали розовыми мотыльками, что-то перевязывали, сплетали, закрепляли, но окончательный замысел оставался пока неясным – то ли кувшин, то ли высокая корзинка с ручкой, приделанной сбоку.

Монитор на коленях Дика мигнул, затем басистый голос «Демокрита» принялся комментировать очередную схему. На ней была представлена многоцветная карта Земли с обозначением стран и Спорных Территорий – последние были закрашены в полоску, обычно в два, но кое-где в три и даже в четыре оттенка. Судя по тому, что треть материков пестрела полосками, спорить на Старой Земле любили и делали это с размахом, так что конфликт охватывал целые государства и длился веками. Взять, к примеру, Соединенные Штаты: вся страна была Спорной Территорией между неграми и белыми, а кое-где в их противостояние вмешивались индейцы и латиносы. В восточном полушарии картина выглядела еще печальней, и Дик, обозрев ее, в немом изумлении уставился на полуостров Крым, отмеченный полосками четырех цветов. Ткнув в него пальцем, он запросил пояснений, и «Демокрит» начал негромко перечислять те основания, какие имелись у греков, татар, украинцев и русских, чтоб считать эту землю своей, и только своей; а значит, все прочее население – захватчиками, агрессорами и узурпаторами.

Нескончаемое перечисление дат, войн и договоров вскоре наскучило Дику, и он нажатием клавиши вернул урок в нормальное русло. Теперь карта окрасилась в цвета Большой Десятки, а под ней зажглись названия и параметры планет, избранных для основного потока эмиграции. Все эти миры были землеподобными; гравитация колебалась в пределах трех-пяти процентов от стандартной, состав атмосфер, климат, энергетический баланс и соотношение воды и тверди тоже почти не отличались от земных. Что же касается названий, то и они большей частью были земными, привычными. Мир, где доминировала Россия, Россией и назывался, хотя имелось в нем еще с десяток стран – Монголия и Болгария, Индия и Армения, Балтия, Казахстан, Белоруссия и даже Эфиопия. ИСУ, индекс социальной устойчивости, для России не опускался ниже восьми единиц, и значит, весь этот зоопарк жил в добром согласии – в отличие, например, от Аллах Акбара, заселенного арабами, где Ирак до сих пор не мог поделить дары Всевышнего с Саудовской Аравией, Сирией, Палестиной и Ливаном.

Китай, как и Россия, дал название целой планете и считался ее несомненным лидером; фактически тот же порядок был принят в Мусульманских Мирах Сельд-жукии и Уль-Ислама, где главенствовали Турция и Иран. Южмерика пребывала под мощным прессингом бразильцев и аргентинцев, миры Европы и Колумбии исповедовали демократические идеалы (не мешавшие, впрочем, сохранить все конституционные монархии), а в Черной Африке и Латмерике царил изрядный разброд, отражением коего являлись локальные беспорядки – правда, не столь сокрушительные, как на Земле, ибо в новых мирах места хватало всем. К тому же Конвенцией Разъединения запрещались внешние войны, и данный закон не являлся пустым звуком. На этот случай Совет Безопасности ООН располагал множеством средств, тайных и явных, вроде разведки с широкой агентурной сетью и дивизий Карательного Корпуса.

Переважив эту информацию, Дик нажал кнопку «пауза» и скосил глаз на Чию. Случалось, она проявляла интерес к картинам, мелькавшим на экране «Демокрита», когда было на что поглядеть. На странных животных с четырьмя лапами, на деревья с иголками вместо листьев, на невиданные цветы и плоды, на спортивные состязания, танцы и пляски, на авторалли и парусную регату... Но заводские корпуса, космолеты и роботы, схемы, карты и формулы не привлекали ее внимания – как и сам компьютер, казавшийся Чие вещью полезной, но лишенной красоты и, следовательно, столь же прозаической, как циновка или глиняный горшок.

Иное дело – искусство цамни, древний ритуал плетения из прутьев, тростинок и травы! Пальцы Чии двигались в мерном ритме, оплетая сложный каркас золотистыми полосками тростника, кое-где чередовавшимися с алыми травяными стеблями. Конструкция была очень сложной, и теперь Дик видел, что это не кувшин: с одного бока вроде бы гладко – лишь внизу торчит непонятный отросток, а с другого свисают четыре отростка покороче, под ними – еще два, странно изогнутых и уплощенных, а наверху – что-то круглое, похожее на небольшой мяч размером в два кулака. Глядя на Чию, он решил, что человеку такого в жизнь не сотворить, просто рук не хватит. Хорошо подготовленный двурукий боец мог выстоять в схватке с мужчиной-тай, но не тягаться с их женщинами в искусстве плетения – тут любой сородич Дика выглядел бы инвалидом.

Вздохнув, он вернулся к сравнительной истории и в следующие полчаса выяснил несколько любопытных фактов. К примеру, насчет ООН, Организации Обособленных Наций, чья власть в заселенных людьми мирах была весьма велика, хоть и не бесконечна. ООН регулировала политические конфликты, занималась поиском новых планет и обменом информацией, финансировала дорогостоящие исследования медиков, ксенологов и социологов, выступала арбитром в спорах, а временами и карала – торговыми санкциями либо вооруженной рукой, поскольку в составе ее имелись пять видов полиции, Карательный Корпус и части быстрого реагирования. Кроме того, была разведка, были группы по борьбе с террористами, Транспортная Служба ООН, персонал, охранявший станции Пандуса, и Служба Управления Протекторатами, Колониальными и Каторжными Мирами.

Все это «Демокрит» изложил своим проникновенным басом, высвечивая на экране поясняющие схемы и чертежи; но первым делом было сказано, что в Эпоху Исхода, три с половиной столетия назад, аббревиатура «ООН» расшифровывалась иначе – Организация Объединенных Наций. Вероятно, решил Дик, в те времена люди не додумались еще до простой мысли, что истинное объединение возможно только после разделения, размежевания и разрешения всех взаимных претензий. А претензий, конфликтов, споров и драк на Старой Земле было столько, что даже Пандус прогнулся бы под их тяжестью.

Еще он узнал, что в современном мире существуют три Ирландии – штат в США, независимое государство и целая планета, а также три Сицилии, две Басконии, пяток Сингапуров и две Колумбии. С Колумбия-ми пришлось разбираться, так как прежде он полагал, что есть лишь одна Колумбия – мир, куда отправились его американские родичи вместе с британцами, канадцами, японцами, израильтянами и дюжиной других народов и племен. В целях восстановления исторической справедливости эта планета была названа Колумбией, а не Америкой и считалась сейчас самым высокоразвитым миром среди членов Большой Десятки. Была, однако, и другая Колумбия – государство Старой Земли, перебравшееся вместе с Бразилией, Аргентиной, Чили и Перу в Южмерику. Значит, подумал Дик, Америго Веспуччи все-таки обошел Колумба: последний мог зачислить на свой счет одну страну и одну планету, а в честь пронырливого Америго были названы целых два мира, Южная и Латинская Америки. Правда, Латмерика не давала поводов для гордости – туда отправили страны с неустойчивыми режимами вроде Кубы, Гаити и Сальвадора, коих Бразилия с Аргентиной наотрез отказались включить в Южмери-канскую Конфедерацию.

Урок заканчивался, но Дику хотелось разобраться еще с одним вопросом – с тем, как обстоят дела на Старой Земле, покинутой его предками, но, несомненно, существующей где-то на окраине Галактики, в районе Сириуса или Центавра. Он вызвал перечень обитаемых планет, но среди них – поразительное обстоятельство! – Земли не оказалось. Тут были миры Большой Десятки, полномочные участники ООН, были шестнадцать Независимых Миров, входивших в ООН с правом совещательного голоса, были пять Протекторатов, тридцать четыре Колониальных Мира и почти пятьсот Миров Присутствия; перечислялись даже все восемь Каторжных Планет, начиная с Колымы и кончая Сицилией-3 и каким-то неведомым Дику Тидом. Земли, однако, не было; и на запрос по этому поводу разговорчивый «Демокрит» откликнулся таинственно и кратко: «ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ».

На колени Дика упала тень, экран засветился чуть ярче. Он поднял голову. Рядом стоял отец – высокий, светловолосый, в набедренной повязке нуа-то, расшитой силуэтами бегущих оленей и ливнем наступающих их стрел. Такие одеяния носили все в Чимаре, но женщинам больше нравился цветочный узор, изображение плодов или переплетающихся трав и листьев, как на повязке у Чии.

Саймон-старший опустился на пол, скрестив длинные ноги.

– Что-то ты припозднился сегодня. Есть не хочешь? – Сын отрицательно помотал головой. – Ну, а над чем размышляешь?

– Да вот... – Дик в задумчивости оттопырил нижнюю губу, подергал ее пальцами – была у него такая привычка. – Удивляюсь, дад... Удивляюсь, как все случилось...

– Все? Что – все?

Брови Филипа Саймона приподнялись, и Дик поспешил пояснить:

– Я говорю об Эпохе Разъединения, об Исходе и о том, что случилось после. Когда люди бросили Старую Землю, ушли с нее, забрав свои фабрики и города, машины и книги, животных и птиц и все, что было ценного в прежнем их доме... А дом остался неведомо где, покинутый, заброшенный и позабытый... Почему?

– Тут нет никаких «почему», – откликнулся отец. – С чего ты взял, что Земля забыта?

– Ее нет в перечне. – Дик кивнул на экран, где, завершая список Каторжных Миров, светились две надписи, его запрос и ответ «Демокрита»: «ЗЕМЛЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ» – «ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ».

Отец негромко рассмеялся, и Чия, оторвавшись от своей работы, бросила на него вопросительный взгляд – видно, думала, что Дик отмочил какую-то шутку.

– Прости, девочка, – Филип Саймон перешел на тайятский, – мы говорим по-своему, ибо нет у тай и тайя таких слов, чтоб рассказать о мире людей с Правобережья. Я имею в виду – рассказать о том, что спрашивает Две Руки.

Чия поморщилась – как обычно, когда Дика звали дневным именем. Даже отец не должен был этого делать! И потому ответ ее прозвучал с непривычной резкостью.

– Слова, которых нет у нас, просто не нужны! Муж-чина-тай может оскорбить врага, может поведать о своей отваге и умениях, а женщина – о любви, и всякий тай и тайя споют песни Тринадцати Ритуалов. Чего же еще, Золотой Голос? Ты думаешь, где больше слов, больше ума? Вовсе нет! – Тут она посмотрела на Дика и после секундной паузы добавила: – А есть такие вещи, о которых не скажешь словами... и лучше о них не говорить.

Пальцы Чии возобновили свою стремительную пляску, а Саймон-старший хмыкнул и спокойно произнес:

– Я-то с этим готов согласиться, девочка, но большинство двуруких думают иначе. Им нужны особые слова – чтоб объяснить, как устроен мир, как действует этот ящик на коленях Дика, показывающий разные картины, как движется наша железная птица, которая умеет летать без крыльев. Эти слова нужны нам, как оружие воину, который отправился в лес за

почетом и славой. Тот, кто их не знает, беззащитен в наших лесах, и хоть его не убьют, он не сыщет в них ни славы, ни почета.

– Почет и славу добывают клинком, а не словами, – сказала Чия.

– И словами тоже, малышка, – отец погладил ее плечико с продолговатой трогательной ложбинкой меж суставами правых рук и повернулся к Дикю. – Что же тебя смущает, сын? О Земле и на Земле написано больше, чем во всех Разъединенных Мирах. Земля – наша давняя родина, мир, в котором жили наши предки. Ты можешь прочесть о ней все – о ее истории и географии, о растениях и животных, о населявших ее людях, их языках и обычаях...

Дик упрямо мотнул головой.

– Я хочу выяснить, что творится на Земле сейчас. А «Демокрит» играет со мной в молчанку!

Брови Филипа Саймона приподнялись. С минуту он размышлял, задумчиво посматривая на сына, потом произнес:

– Так ты хочешь знать, отчего в твоём компьютере лишь исторические сведения о Земле и нет текущей информации? Её, к сожалению, нет ни у кого, сынок. Земля – Закрытый Мир.

– Закрытый? – О таких мирах Дик не слышал и потому насторожился, будто охотничий гепард у крысиной норы. От этого слова – и от того, как произнес его отец, – попахивало некоей загадкой. Возможно, тайной! – Закрытый Мир? – медленно повторил он, не спуская глаз с невозмутимого лица Саймона-старшего. – Кто же его закрыл, да? И что это значит – Закрытый Мир?

– Виновники мне не известны, – Филип Саймон пожал плечами. – Может быть, есть сведения в архивах ООН... или других ведомств... Не знаю! А Закрытым Миром, согласно принятой классификации, называют планету, где блокирован канал межзвездной связи. Блокирован трансгрессор, понимаешь? То есть канал был, а затем исчез, потому что...

– ...разрушены станции Пандуса? – предположил Дик, изумляясь все больше и больше.

– Нет. Пусть станции разрушены, взорваны и стерты в порошок – это неважно. Неважно, так как устья Пандуса могут раскрыться вблизи тяготеющих масс величиной с астероид, не то что с планету! И никакие станции для этого не нужны. Во всяком случае, так утверждают специалисты, и я не вижу повода им не верить. Перед Исходом нигде не было никаких станций – нигде, кроме Земли; тем не менее удалось отыскать и исследовать сотни миров, выбрать из них наилучшие и перебазировать промышленные объекты и города. Эти исследования и поиски, как ты знаешь, идут до сих пор, и любой человек с планетарной лицензией в кармане может отправиться в девственный, но безопасный мир и вкушать там полное одиночество... А может переехать с семьей, со всеми родичами и друзьями, с компаньонами и родичами компаньонов...

Дик кивнул. Такие планеты, еще не получившие колониального статуса, назывались Мирами Присутствия, и население их составляло от одного до нескольких тысяч человек. Там не было стационарных Пандусов, но и такие миры входили в систему Транспортной Службы и посещались ее эмиссарами раз в месяц или раз в год – как того требовала планетарная лицензия.

И никаких проблем с каналами связи! Пандус работал всегда и везде, и длилось это уже три столетия, с Эпохи Исхода!

– Ты хочешь сказать, – Дик поднял взгляд на отца, – что эта... эта блокировка – точно замок, повешенный кем-то на дверь? Дверь заперта, и нельзя войти?

– Вполне уместная аналогия – дверь заперта и нельзя войти, – с расстановкой произнес Филип Саймон. – А как ты понимаешь, природа не вешает замков и не запирает дверей на засовы. Иное дело – люди!

– Люди, которые там остались? Там? – повторил Дик, подчеркнув это слово, дабы не возникло сомнений, что речь идет о Земле. – Но почему? Для чего? И кому это нужно?

– Почему, для чего... – Саймон-старший пожал плечами. – Не знаю! Не знаю, сынок, и думаю, что немногие смогли бы тебе ответить. Я не сотрудник Транспортной Службы и не эксперт ЦРУ, я изучаю аборигенов Тайяхата – их обычаи, ритуалы, их искусство, их взгляд на мир. И мне приятно это делать. Каждый должен заниматься тем, что доставляет ему радость, ты согласен? И если загадки Земли влекут тебя больше секретов тайят, попробуй раскрыть их... Не сейчас, конечно, – когда подрастешь и поумнеешь.

– Я хотел бы сделаться ксеноэтнографом, как ты, и жить на Тайяхате, – сказал Дик, помолчав.

– Как я!.. Я – этнограф, и потому ты тоже хочешь стать этнографом... Мне кажется, не очень веская причина, а? Я был бы доволен, если б ты нашел иную дорогу, свою. – Филип Саймон покосился на Чию и, понизив голос, добавил: – А о тай и тайя ты знаешь больше моего, сынок. Ты пришел к ним в десять лет, а я – в тридцать, и пути у нас были разными. Мой – кровавым...

Он помрачнел, и Дику стало ясно, что на сегодня разговор окончен. Не нравилось отцу вспоминать, какими тропами попал он в Чимару и скольких воинов-тай лишил жизни, чтоб приняли его как равного к равным. Вероятно, не утешала его мысль, что все свершенное можно счесть научным подвигом, что нет других дорог в тайятских лесах и что дружба Чочинги стоит всей пролитой крови. И, кажется, он полагал, что гибель матери Дика в том змеином ущелье была воздаянием – жертвой, которую взял с него Тайяхат, или карой за излишние настырность и любопытство. Так ли, иначе, но он не рассказывал сыну, где повстречался с Чочин-гой и чем заслужил его уважение – вместе с правом поселиться в Чимаре. По-видимому, это была непростая история, но теперь Саймон-старший не держал в своем доме ни клинков, ни секир, и его Шнура Доблести Дик не видел ни разу.

Чия закончила свой труд и подняла в ладонях фигурку сидящего гепарда с вытянутым хвостом и растопыренными передними лапами. Это был, несомненно, Ши – грозный маленький охотник, сплетенный из травы и тростника, с алой маской вокруг глаз, оранжевым брюшком и желтой спинкой. Полюбовавшись своим художеством – и дав время насладиться обоим Саймонам, – Чия поставила фигурку на пол.

– Небесный Свет гаснет... Мы проводим его? Приглашение, разумеется, касалось Дика, и он тотчас вскочил на ноги.

– Проводим! Если Чиззи не увяжется за нами. Загадочная улыбка скользнула по губам девушки.

– Сотанис показывает ей свои шлифованные камни, а Сохо прыгает вокруг – совсем как те звери, которых он научил ходить на задних лапах. Я думаю, моя икки очень занята.

– Отлично, – сказал Дик, подмигнув отцу. – Сотанис и Сохо – хорошие парни. Почти как я!

Они убежали, а Филип Саймон глядел им вслед и думал, что сын его становится взрослым и желания у него уже взрослые – например, провожать солнце вместе с девушкой... С прелестной девушкой, хоть у нее четыре руки и геном весьма отличен от человеческого... А другая девушка любопытствует, может ли Дик осчастливить ее потомством... И приходится объяснять ей про птиц медоносных и певчих, что могут любиться друг с другом, но не вить гнезда и не высиживать птенцов... А что еще тут скажешь? Что неадекватность цитоплазматической наследственности ведет к невозможности зачатия? Ну, это все ненужные слова, как утверждает малышка Чия!

В данном случае Саймон-старший не собирался спорить с ней, ибо есть вещи, о которых не скажешь словами, – и лучше о них не говорить.

Он усмехнулся и пробормотал:

– Время мчится словно ловчий зверь, один плод зреет, другой – стареет...

* * *

Губы Чии были сладкими, как нектар медоносных птиц, темные локоны рассыпались по груди и плечам, и Дик с юной жадностью целовал их – и эти локоны, и губы, и маленькие напряженные соски, и руки, обнимавшие его и в то же время гладившие по лицу, касавшиеся щек, затылка, шеи... Высокая трава колыхалась над ними, но шорох ее заглушали тихие стоны Чии и шум крови в висках. Кровь стучала лихорадочным набатом, будто Наставник Чочинга отбивал стремительный ритм прыжков в песчаной яме, грохоча клинком по обуху секиры. Однако Дик, уже изведавший таинства любви, понимал, что торопиться здесь нельзя, что девушка, приникшая к нему, – не соперник в поединке и что связывает их не страстное желание победить, а просто страсть. Он хотел, чтобы Чии было хорошо – так, будто качают ее Четыре ласковых потока, и Четыре звезды, спустившись к самым травам, глядят кожу своими теплыми лучами.

Жаль, что у него так мало рук! Сам он мог гладить ее шелковистые бедра или тугие чаши груди, обнять ус-кользающе-гибкий стан или... Впрочем, он уже понимал, что руки – не самое важное; когда происходит э т о, не думаешь, где твои руки и ноги и где голова – по-прежнему при тебе или уплыла куда-то в одном из потоков, а может, просто растаяла в нем? Растаяла так же, как он сам растворялся в упругой и нежной девичьей плоти, сливаясь с ней, чувствуя ее восхитительный трепет и зная, что он – желанный, единственный, любимый...

Прежде такого не было. Он мог обнять Чию и подивиться гладкости ее плеч, мог прикоснуться к соскам, алевшим крохотными вишнями, мог взять ее на руки и пронести по скользким камням под сумрачной завесой водопада... Мог, мог! И может сейчас... Только почувствует не удивление, а трепетную нежность, и восторг, и что-то еще, чего не выскажешь словами – ни по-тайяски, ни по-русски, ни по-английски... Как все изменилось! Прежде они сидели здесь, в траве, глядели на яркие Искры Тисуйю и рассуждали о мирах, безлюдных или населенных, что вращаются в неизмеримой дали вокруг своих светил... Прежде!.. Когда это было? Год, полгода назад? Как недавно! И как давно...

Чия вскрикнула, застонала, выгнулась под ним дугой, прижимая голову Дика к груди. Он поцеловал ее – бережно, осторожно, чтоб не оставить синяков на нежной коже. Нравы молодых тай и тайя были вольными, и никто их за это не порицал, но слишком отчетливый след ночных утех мог бы вызвать насмешки и расспросы. Конечно, у подружек, а не у взрослых – взрослые считали, что молодежи до брака полезно перебеситься. Но и тут был свой нюанс, о коем Дику приходилось не забывать. Всякий видимый знак любви на теле Чии мог обидеть Чиззи – ведь они, в конце концов, были близняшками, и полагалось им, согласно обычаю, все делить пополам. Даже его, неприкаянного ко-тохару! Для тайя это казалось вполне естественным, а Дик был полон сомнений. Странно! Ведь Чия и Чиззи были так схожи... И все-таки он различил бы их в самый темный ночной час, ибо одна будила желание, а другая... Словом, что касается другой, он больше полагался на Сохо и Сотаниса.

Приподнявшись на коленях, Чия ловко обернула вокруг бедер расшитое листьями и травами полотнище. Глаза ее блеснули в серебристом свете поднимавшейся луны, и Дику почудилось, что они влажные – будто девушка плачет или с трудом сдерживает слезы. Он прижался щекой к ее колену, чувствуя, как тонкие пальцы Чии блуждают в волосах.

– Жаль, – сказала она. – Жаль, что ты уйдешь, Ди.

– В лес?

– Нет. Уйдешь совсем. Уйдешь, и мы расстанемся... Навсегда!

Он приподнялся, всматриваясь в ее лицо, смутно белевшее в полумраке.

– Почему ты так решила?

– Потому что всякая птица летит к своему гнезду... Нет, не говори ничего, помолчи! – Дик хотел возразить, но она прижала пальцы к его губам. – Помолчи и послушай, что я скажу. Любовь должна приносить плоды. Если их нет, из жизни уходит радость, а кому нужна жизнь без радости? Но я свою радость сохраняю... тут и тут... – Одна ладошка Чии легла на грудь, другая коснулась век. – И ты сохрани! Не забывай меня и не жалея ни о чем. Что было, то было, а то, чего не может быть, не исполнится и не свершится.

Это она о детях, подумал Дик. Конечно, у них не могло быть детей – с той же нерушимой определенностью, с какой он не мог обзавестись братом или вырастить две новые руки. В свои шестнадцать лет Дик, пожалуй, смирился бы с этой бедой, но ни один из тайских его ровесников подобного мнения не разделял. У них, как говорил отец, продолжение рода являлось социальным инстинктом, таким же устойчивым, как миролюбие женщин и воинственность мужчин.

Разумеется, Чия была права – он улетит в свое гнездовье, а ей останутся воспоминания, и дети, и верная ее икки, и мужья... Или Сохо с Сотанисом, или Цор с Цохани, или Цига с Цатом... Это казалось несправедливым, но это было так, и не стоило об этом говорить.

И все же он произнес слова, в которые сам не верил, хоть слышал их не раз – от тетушки Флори и богомольных ее приятельниц; слова древнего утешения, понятного людям, но неведомого в тайтских лесах и горах. Наверное, он сказал их для того, чтоб крепче запомнилась эта ночь – и сама ночь, и принесенные ею радости.

– Расставшиеся на земле соединятся на небесах, – прошептал Дик.

Чия улыбнулась, перебирая его волосы.

– Что это значит, Ди? Как можно соединиться в небе без воздуха и облаков, где пылают Искры Ти-суйю? Там слишком холодно и неудобно!

Он попытался растолковать ей о загробном мире, о добром божестве и райских кушах, что служат обителью для любящих сердец, о том, что после смерти они превратятся в бестелесных призраков, и будет совсем неважно, сколько у кого рук, ног или голов: главное, что они любят друг друга и не хотят расставаться. Но если судьба разлучила их на земле, они встретятся в небесных чертогах – и там жизнь их и любовь будут вечны. А чертоги эти – вовсе не то холодное небо без воздуха и облаков, что простирается меж звезд, а совсем иные Небеса, Рай, Парадиз, Эдем, прекрасный мир, населенный духами и другими загадочными, но добрыми существами. Никто не знает, где он находится, но туда нельзя долететь на космическом корабле или шагнуть через Пандус; туда попадают лишь одной дорогой – сквозь врата смерти, когда человек сбрасывает земные узы и свою телесную оболочку.

Дик изложил все это на одном дыхании, слегка бессвязно, так как его познания в божественных предметах, несмотря на все труды тетушки Флори, оставляли желать лучшего. Чия его не поняла. Вернее, ей было ясно, что он пытается ее утешить, но мысль о загробном существовании никак не укладывалась в ее хорошенькой головке. Тайят являлись рационалистами и твердо знали, что за порогом Погребальных Пещер их ждут тлен, пустота и вечное забвение. В отличие от людей Земли, они не строили иллюзий и не предавались несбыточным мечтам; они ценили вещи реальные, ясные и зримые – жизнь, славу, победу, любовь.

Их Рай, их божественный Парадиз находился тут, на мирных зеленых склонах Тисуйю.

И Чия была готова это доказать – не словами, которым она не слишком доверяла, а совсем иначе. Гораздо убедительней, думал Дик, целуя ее твердые маленькие груди.

КОММЕНТАРИЙ МЕЖДУ СТРОК

Чоч, великий воин клана Теней Ветра, пришел из лесов к отцу своему Чочинге Крепкорому. После того, как были спеты Приветственные Песни и Чоч рассказал о славных

своих победах над воинами Извилистого Оврага и Гремящей Расселины, о резне, учиненной среди Звонящих Вод, с коими Тени Ветра враждовали уже шесть поколений, о том, сколько бойцов прибавилось в его лагере, какими искусствами они владеют и от каких Наставников пришли, – после всего этого их беседа повернула в иное русло. Оба тай, старый и молодой, сидели на циновках в пещере с высоким сводом; на стенах ее тускло поблескивали клинки и боевые топоры, мерцали острия пик и дротиков, неясными тенями маячили щиты, луки со спущенной тетивой, связки стрел и метательных ножей. В углу, прислоненный к стойке для тяжелых секир томо и копий цухи-до, находился самый большой из щитов – овальный, в рост человека, с тремя стальными остроконечными рогами. На этих рогах висел Шнур Доблести хозяина – внушительное ожерелье, где косточки фаланг и диски, выпиленные из черепов и ребер, соседствовали со звериными клыками. Шнур был длинным, и если б Чочинга набросил его на шею, он спустился бы до самых колен. У Чоча еще не было такого огромного почетного ожерелья, но все шло к тому, что он не отстанет от отца.

– Скоро молодой ко-тохара, получивший имя Две Руки, спустится в лес, – промолвил Чочинга, поглаживая змеиную голову, что мерно раскачивалась у его груди. Питон считался полноправным членом их семейного совета – ведь он был старше всех в роду Чочинга, и воины трех поколений танцевали с ним, оттачивая свое боевое мастерство. Век его был долог, как струи водопада, что сбегали с горных вершин к лесному озеру. – Скоро Дик Две Руки спустится в лес, – повторил Чочинга. – Ты, Чоч, будешь его Наставником. Ты будешь следить за ним и учить его, пока он не возьмет первую кровь.

Чоч согласно склонил голову. Присматривать за учениками Чочинги было одним удовольствием – с ними мог потягаться не всякий зрелый воин, и они быстро брали первую кровь и первую жизнь. Правда, у этого Дика, сына Саймона с Правобережья, было лишь две руки, но Чоч полагал, что он себя в обиду не даст.

– Я обучил его всему, – произнес Чочинга. – Он может биться мечом и копьем, рубить секирой, метать ножи и стрелы и погружаться в транс цехара, он может провисеть на дереве, пока Небесный Свет, поднявшись над горами, не спустится в лесную чашу, он знает все Тринадцать Ритуалов и пути всех кланов – Смятого Листа и Звонящих Вод, Четырех Звезд и Холодных Капель, Горького Камня и Быстроногих. И он, конечно, знает наш путь – путь Теней Ветра. Я поучал его: стань словно эхо тишины, стань мраком во мраке, стань травой среди трав, птицей среди птиц, змеей среди змей. И он стал таким. Хорошо! Я доволен.

– Хорошо, – откликнулся Чоч и огладил свое ожерелье. Диски из черепов Звонящих Вод были совсем еще свежими – как и фаланги пальцев, добытых в схватках с кланами Расщелины и Оврага. – Если ты не ошибся, отец, – а я не помню, чтоб ты ошибался хоть однажды, – этот ко-тохара станет великим воином, из тех, кому светят Четыре звезды и кто умирает на рассвете.

– Станет, – подтвердил Чочинга, лаская шею своего питона, – станет. Но не в наших лесах!

На лице Чоча отразилось недоумение.

– Думаешь, он...

– Он уйдет. Он не останется с нами, как брат мой Саймон, убивший воинов Звонящих Вод – тех, что убили Чу, моего умма и твоего отца. Но он – наш! Он – тай, хоть прожил в Чимаре втрое меньше Саймона. А Саймон так и не сроднился с нами.

Чочинга смолк, задумчиво кивая в такт каким-то своим мыслям. Чоч, подождав личное время, решился нарушить тишину.

– Прежде ты не говорил мне этого, отец.

– Прежде ты был слишком молод, сын. Но близится время, когда я, сделав каждому родичу Прощальный Дар, уйду в Погребальные Пещеры, а ты поселишься здесь и будешь новым Наставником. Наставник же должен понимать людей и знать, как из помыслов и

побуждений рождаются поступки. Вот брат мой Саймон Золотой Голос... Что сказать о нем? Он – сильный человек, забравший жизнь у многих, – да сохранят его Четыре камня и Четыре звезды! Но пришел он к нам в зрелых годах, а потому остался человеком с Правобережья – остался им, и будет им, и умрет им! Он понял, зачем мы спускаемся в лес и убиваем, – понял, но не принял этого. И потому, свершив положенное, остался в Чимаре и спрятал свой Шнур Доблести под циновкой.

– А Две Руки, его сын? – спросил Чоч, внимавший родительской мудрости с должным усердием и почтением.

– Вот ученик мой Две Руки... – неторопливо молвил Чочинга. – Что же сказать о нем? Он не взял еще крови и жизни ни у кого, кроме хищного зверя... Но он пришел к нам юным, как бутон цветка, и распустился тот цветок в моих ладонях. И хоть он уйдет от нас, он – тай! Он тай, и будет им, и умрет им! Ибо понятно ему многое, о чем не ведает брат мой Саймон, его отец.

– Что же? – спросил Чоч, морща лоб в раздумье. Чочинга усмехнулся.

– Например, прелесть наших девушек... А теперь он должен познать мужскую силу, изведать вкус победы и стать воином. Просто воином, сын мой, – великим он будет в ином месте, коль доживет до твоих лет и сохранит свои уши и пальцы. – Чочинга сделал паузу и покосился на Шнур Доблести, висевший на овальном щите. – Ты, Чоч, мой сын, и ты был лучшим из моих учеников. Ты знаешь, что воин должен биться мечом и копьем, рубить секирой, метать ножи и стрелы и погружаться в транс цехара, должен висеть на дереве, пока Небесный Свет, поднявшись над горами, не спустится в лесную чащу, должен ведать все Тринадцать Ритуалов и пути всех кланов... Но ты знаешь, что это – не главное. А что – главное? Что? Ответь, сын мой.

– Воин должен убивать!

Чоч стукнул кулаком о колено, и, будто в подтверждение этих слов, раздался негромкий свист изумрудного питона.

– Я хорошо учил тебя, – с довольной улыбкой произнес Чочинга. – Воин не боится крови, воин умеет убивать! Каждый тай из молодых, идущих в лес, вскоре узнает об этом. И я говорю: пусть Две Руки научится убивать, пусть кровь не высохнет на его клинках и пусть его Шнур Доблести свисает до колен!

Снова наступило молчание, и длилось оно столько мгновений, сколько нужно бойцу, чтоб метнуть в цель четырежды четыре ножа. Затем Чоч произнес:

– Ты очень заботаешься об этом ко-тохаре... Почему, отец мой?

Наклонившись, Чочинга положил верхнюю пару рук на мощные плечи сына.

– Пока уши твои на месте, внимай и запоминай – ибо наступит время, и ты возвратишься из леса к женам своим и умма Чулуту, повесишь свое ожерелье на щит, прислонишь к стене копье и сядешь здесь, на циновке Наставника. А Наставник, как я говорил, должен понимать людей, и первым из них – себя самого. Подумай же, сын мой, что ищем мы, к чему стремимся, путешествуя из тьмы во тьму, из материнского лона в Пещеры Погребений? Все просто, так просто! Для женщин дороги любовь и дети, для мужчин – почет и слава. Где ищет их молодой воин? В лесу, и слава его – убитые враги и враги побежденные, коим даровал он жизнь, отрезав палец или ухо. Но когда воин стар и мудр, когда потерял он счет убитым врагам, когда ожерелье его волочится по земле, в чем его слава? В чем гордость его и почет? В учениках, сын мой, в его учениках!

Придет день, и Две Руки вернется в Правобережье – а может, ему суждено пройти другой тропой, из тех, что ведут к Искрам Небесного Света... Кто предскажет сейчас его судьбу? Он вернется в свой мир и будет жить со своими людьми, но будет меж них тенью ветра, разящим клинком – самой высокой травой среди трав, самой быстрой змеей среди змей, самой могучей птицей среди птиц. И удивятся люди, и спросят: почему ты таков? И он

ответит: потому, что старый тай Чочинга был моим Наставником... Есть ли большая слава для меня? И большой почет?

Он смолк.

Чоч, крепко стиснув широкие отцовские запястья, всмотрелся в лицо Чочинги, свел на переносье густые брови и произнес:

– Пусть копье твое летит до Небесного Света! Ты все сказал, отец мой? Все, что должен я знать о тебе, о себе и о юном воине Две Руки?

Чочинга усмехнулся и прикрыл глаза.

– Нет, конечно же, нет! Я не сказал самого главного – что люблю его. Как тебя, Чоч, как твоего умма Чулута, как твоих сестер и ваших детей.

ГЛАВА 4

Дику Саймону снились сны. Последний, предутренный, был особенно ярким, хотя и беззвучным – будто знакомый видеофильм, который смотришь в десятый или в сотый раз, вывернув рукоятку громкости на ноль и заранее предугадывая все реплики актеров.

Но реплик в том сне было немного.

Он видел первый свой бой, видел поляну в лесу, широкую прогалину, спускавшуюся к медленным темным речным водам; берег реки порос корявым кустарником хиашо, а с других сторон вздымались над поляной огромные деревья чои, с бурыми могучими стволами, которые и трем воинам не обхватить. Еще выше, над деревьями, травами и рекой, нависало бирюзовое небо, и яркий диск Тисуйю застыл в нем круглым ослепительным зрачком, словно некий любопытный демон рассматривал все творившееся на поляне – там, где другие демоны лязгали сталью и оглашали воздух боевыми криками.

Но воплей и звона клинков Дик не слышал.

Он помнил, однако, что схватка свершилась в полуденный час и что Теней Ветра под водительством Чоча было ровно сорок, а Холодных Капель – почти вдвое больше, но воины Чоча мчались на скакунах, а враги их были пешими и скорее всего не ждали нападения. Еще он помнил, как перекатывались меж колен сильные мышцы его скакуна, как мчался навстречу пологий речной берег, заросший непроходимым хиашо, а перед зеленой стеной кустарника прыгали и потрясали оружием десятки фигур в пятнистых плащах, схваченных под грудью плетеными из стальных колец боевыми поясами. Он врезался в эту плотную рычащую и ревушую массу, ударил мечом и топором, кого-то сбил с ног, кого-то поднял на рога скакун, кто-то метнул в него дротик, целясь в лицо, и он прикрылся широким лезвием секиры. Воин с дротиками рухнул под ударом Чоча – Чоч, как помнилось Дику, мчался справа, а слева скакал Читари Одноухий, в полном снаряжении о'кара, то есть с двумя длинными копьями и двумя изогнутыми клинками, расширившимися на конце. Уха Читари лишился в молодые годы, но с тех пор в воинском искусстве преуспел, и былая потеря лишь прибавляла ему свирепости.

Всадники прорубили широкую просеку в толпе, и Дик знал – знал сейчас, а не тогда, во время боя, – что этот первый натиск стоил его клану шестерых. Холодных Капель было перебито втрое больше, и они стали отступать: неопытные бросились к деревьям чои, где конный всегда нагонит пешего, поскольку чои не любят тесноты и глушат любой подлесок, а умудренные опытом нашли укрытие в кустарнике, куда ни один скакун не полезет, как его ни понукай. Часть отступивших заняла оборону, грозя раздвоенными лезвиями пик, а остальные принялись прорубать тропинку в зарослях хиашо, чтоб выбраться к реке. Это было не трусостью, а точным расчетом: в поле и в редколесье пеший против всадника не устоит, а в кустах на скакуне не проедешь – тут нужно спешиться и принять бой на равных, на узкой тропе, где в ход пойдут не мечи и секиры, а рукавицы с когтями и ножи. Капель оставалось все-таки больше, чем Теней, и был у них шанс если не выиграть схватку, так отбиться с честью.

Стремительность нападения ошеломила Дика; ни тогда, ни позже не мог он сказать, сразил ли кого-нибудь во время той первой атаки или лишь погромел железом о железо. Вроде бы меч и топор были чистыми, без крови... Он не помнил. Умение все замечать, заложенное в нем уроками Наставника, пришло потом, проявилось, точно картина на видео- пленке, опущенной в необходимую среду. Но тогда он не помнил – и значит, приходилось считать, будто первую кровь он взял в кустах хиашо, среди упругих ветвей, сплетенных и сросшихся так, что не было места размахнуться и нанести удар.

Тени Ветра спрыгивали с теплых спин скакунов, вытягивались цепочкой вдоль зарослей, не спешили – каждый выбирал противника, а кое-кто пел уже боевую Песню Вызова или изощрялся в оскорблениях. Чоч подтолкнул Дика к кустам, губы его беззвучно зашевелились, как полагается во сне, но сказанное тут же всплыло из неких глубин памяти, и Дик услышал – или будто услышал – хриплый рев сына Чочинги: «Твой! Этот – твой! Возьми крысу!»

Вражеский воин – два щита, меч и двузубое копьё – изумленно уставился на Дика. Наверное, не встречались ему досель двурукие, а если и встречались, то не такие – не с тяжелой секирой, не с быстрым клинком и не в серой повязке Теней Ветра. Дик, чтоб рассеять его недоумение, дрыгнул ногой, будто давая пинка невидимой крысе, грозно ощерился и запел. Сейчас, пребывая во сне и понимая это, он как бы повторил свою песню, слово за словом, фразу за фразой, – повторил на тайятском, произвольно подергиваясь и кривя рот. Для оскорбительных жестов конечностей у него не хватало, и оттого приходилось скалиться, дергать щекой и скрипеть зубами.

Он пел:

Я – Дик, носящий дневное имя Две Руки,
Я – Дик, чей отец Саймон Золотой Голос,
Я – Дик, чьи матери Елена Прекрасная и
Флоренс Костяной Палец,
Я – Дик, чей Наставник Чочинга Крепкорукый,
Я – Дик из клана Теней Ветра, воин,
убивший саблезуба!

Песня была совсем короткая, так как, если не считать победы над кабаном, он еще никаких подвигов не свершил, и не числилось за ним ни отрубленных пальцев, ни отрезанных ушей, ни иных нанесенных врагам увечий. Противник, кажется, это понял и, не отвечая на песню (что было самым тяжким оскорблением), сплюнул Дику под ноги и неторопливо, с оттяжкой, ткнул копьём. Целился он пониже пупка, повыше колена, и удар этот был позорным, будто намекавшим Дику, что он – чужак, не защищенный обычаями и ритуалами; не воин-тай, а пятнистая жаба, с которой не взять ни пальцев, ни ушей.

Лунным лучом блеснул меч, и Дик вновь пережил то мгновение, когда древко в руках противника распалось. Враг не успел ни отдернуть копьё, ни отбить удар, ни прикрыться щитами, ни выбросить навстречу атакующему свой длинный прямой клинок: Две Руки, Тень Ветра, был уже рядом, промелькнув меж гибких ветвей как самая гибкая ветвь, пролетев над ними птицей, проскользнув змеей... Это свершилось помимо сознания Дика; ноги его сами ведали, куда ступить, мышцы – где расслабиться, где окаменеть в мгновенном усилии. Время вновь выкинуло свой старый фокус, провалившись в никуда, растворив ту долю секунды, что разделяла прошлое и настоящее. Казалось: вот он стоит перед кустом хиашо, вот тянется к нему двузубое копьё, вот падает перерубленный наконечник... А в следующий миг он был уже в зарослях, с мечом, прижатым к бедру, с секирой наперевес – так, чтоб ударить топориком пониже щитов, повыше кольчужного пояса.

Он ударил. Конец древка пришелся в подреберье, отшвырнув противника назад. Впрочем, не слишком далеко – кусты не пустили. Воин Холодных Капель повис на них, выронив оружие, и был он на вид скорее мертв, чем жив. Но Дик не сомневался, что ему еще рано в Погребальные Пещеры.

С трудом он выволок бесчувственное тело из кустов, бросил в траву и огляделся в поисках Чоча. Он помнил, как огляделся, но сейчас – быть может, потому, что видел все происшедшее во сне, – время опять растворилось, и Дик внезапно очутился в плотном кольце

воинов-тай. Разгоряченные битвой, они махали руками, крутили в воздухе клинки и кричали, кричали, кричали... Дик не слышал ни слова, но знал, что они кричат.

Досматривать сон ему не хотелось. Он застонал, желая вырваться из омута сновидений, но прошлое крепко вцепилось в него, не отпускало, держало мертвой хваткой. Он должен был все увидеть и пережить; увидеть еще раз, пережить снова, ужаснуться и шагнуть за ту грань, где ожидала его последняя метаморфоза, где Дик Саймон, сын Филипа Саймона, превращался в тайского воина Две Руки из клана Теней Ветра. И сейчас, пребывая в сонном забытии, он смирился с этим – как смирился тогда, на заваленной трупами поляне, у медленных темных вод лесной реки.

Он стоял, возвышаясь над побежденным и стискивая в кулаке нож – особый нож, ритуальный клинок тимару, короткий, узкий и заточенный до бритвенной остроты. Он стоял, слушал и ждал. Чего же? Чуда? Что пленник, валявшийся перед ним без сознания, внезапно вскочит и, перепрыгнув через кусты хиашо, обернется рыбой и скроется в реке? Или взлетит в небеса, точно посыльный орел с четырьмя крылами? Или...

– Режь! – ревели воины. – Режь! Режь!! Режь!!!

– Режь, – сказал Чоч, повелительно вытягивая руку.

Он нагнулся и взмахнул ножом.

* * *

«Мы должны быть людьми, парень, – говорил отец. – Людьми, достойными уважения тай и тайя. Нам надо показать, что мы не уступаем им ни в чем... Понимаешь? Я говорю не о наших машинах и зданиях в сорок этажей, не о Пандусе, вертолетах и монорельсовой дороге, не о ружьях, глайдерах и телевизорах, а о вещах, которые ценят тайя. Ты не должен им уступать, Дик! Хотя мы, по их мнению, калеки...»

Глаза Дика открылись. Отцовский голос, будто комментируя беззвучные миражи и подводя им итог, еще звучал раскатистыми переливами, но ворота в мир сновидений уже захлопнулись. Над ним белел потолок, в распахнутое окно вливался свежий утренний воздух, и где-то вдали вызванивали к заутрене соборные колокола. Он был в Смоленске, в коттедже на речном берегу, окруженном яблонями и кустами крыжовника, и от тайятских лесов его отделял широкий быстрый поток и невидимый барьер Периметра. Он был в своей комнате, лежал в своей постели – впервые за семь последних лет.

Сейчас, в первый момент пробуждения, ему казалось, что в нем уживаются разом три Дика. Первый был десятилетним мальчишкой, буйным и непоседливым, коего пестовали суровые руки тетюшки Флори; второй – подростком и юношей, жившим в Чимаре, учеником Чочинги, возлюбленным темноглазой Чии; третьим был Дик Две Руки, воин Теней Ветра, возвратившийся из тайятских лесов. Собственно, уже не Дик, а Ричард Саймон, чей Шнур Доблести лишь на ладонь не доставал пояса. И висели на этом ожерелье отнюдь не крысиные клыки!

Сей факт мог ужаснуть Дика-мальчика и Дика-юношу, но Ричард Саймон относился к нему спокойно. Вот только эти сны... Проклятые сны... Там, в лесах, он не видел снов. А может, видел, да не запомнил... Во всяком случае, они не доставляли ему неприятных переживаний.

Он задумался, глядя в невысокий беленый потолок и чувствуя, как два первых Дика стремительно уменьшаются, отступают в прошлое, исчезают. Он вновь был Ричардом Саймоном, цельной личностью, воином и мужчиной, хоть по законам своей расы едва достиг совершеннолетия. Но возраст измеряется не годами, а опытом. Когда-то – тысячелетие назад! – отец спросил, твердо ли его намерение спуститься в лес. Отец не пытался его отго-

ворить или подтолкнуть к определенному решению, он лишь сказал: тебе жить с людьми, сынок, все-таки с людьми, а не с тайят. Ты должен сделаться настоящим человеком...

Он, Дик-юноша, ответил: «Прежде, чем сделаться человеком, я хочу стать настоящим тай». Что ж, он добился своего...

Несомненно, лес был рубежом, разделявшим не только два мира, но и жизнь Ричарда Саймона. Теперь он понимал это с пронзительной ясностью и, размышляя о том, что потерял и что приобрел, почти не испытывал сожалений. Правда, потери значили, что он все-таки не сделался настоящим тай – ведь они не теряли ничего. Утраты же Дика Саймона доказывали, что он в какой-то части, пусть малой, но весьма ощутимой, остался человеком.

Он лежал в своей постели, в уютном домике на берегу Днепра, вспоминая мир утерянный и мир приобретенный.

Первый из них располагался на склонах Тисуйю-

Амат, что означало Проводы Солнца, и на огромном плоскогорье Тисуйю-Цор, простиравшемся на востоке—и, возможно, в иных местах, где были селения вроде Чимары, где распорядок жизни, спокойной и мирной, был подчинен велениям женщин. Женщины царили там: юные девушки избирали себе супругов, жены и матери правили в доме, а достигнув зрелых лет, во всем селении... Разумеется, в том смысле, в котором раса тайят понимала слово «править», придуманное людьми. Для них власть не была самоцелью, а лишь средством для сохранения извечного распорядка, неизменного и нерушимого, как гранитные пики хребта Тисуйю.

Мужчин в женском мире уважали, и дозволялось им многое. Они могли любить своих жен, могли охотиться и заниматься ремеслом, могли наставлять молодых в искусствах и ритуалах, во всех умениях, какими сами обладали, не исключая воинского. У юношей тоже были свои права – выбрать Наставника и обучиться мастерству, к которому влекло их сердце. Тем, кто избирал путь воина, даже разрешались поединки—с оружием, но, разумеется, без крови. Ушей и пальцев в этих схватках не резали, а отбирали клановую повязку и носили ее пару дней у пояса как свидетельство победы.

Таковыми были правила игры в первом из миров тайят, принятые мужчинами без возражений. В женских поселках, на мирной земле, они не помнили обид, оскорблений и своих потерь, что бы ни было ими утрачено – пальцы, уши или близкий родич, брат-умма либо отец. Казалось, в каждом из них был запрятан некий рубильник, своевременно опускавшийся и замыкавший контур терпимости, едва лишь они попадали в мир женщин, за ту невидимую границу, что разделяла воинские стойбища и деревни на склонах Тисуйю-Амат.

Но они были реальностью, эти боевые лагеря сотни воинственных кланов, – как и весь второй мир, принадлежавший мужчинам и приравненный древней традицией к тайятским лесам. Мирные земли располагались наверху, в горах и предгорьях; лес был внизу, и в нем шла нескончаемая кровавая битва. Эти два измерения, столь чуждые друг другу, почти не соприкасались, однако продолжали существовать в каком-то странном, но неразрывном и цельном единстве. Для тайят оно представлялось естественным и само собой разумеющимся, но человек, даже возросший в Чима-ре, не мог его воспринять. Вернее, не воспринять, а перейти из одного мира к другому с той скоростью, что была доступна аборигенам. У человека тоже имелся рубильник, замыкавший контуры терпения и миролюбия, но сей механизм срабатывал гораздо медленней, чем требовала ситуация. И в этом было еще одно различие между двурукими и четырехрукими обитателями Тайяхата.

Ричард Саймон поднялся с постели одним гибким неуловимым движением. Лицо его было спокойно. Коротко стриженные светлые волосы, широковатые славянские скулы, твердый подбородок – наследие англосаксонских пращуров, глаза неопределенного оттенка, временами казавшиеся серыми, временами – синими, как море на закате... Несомненно, он был красив, но, кроме внешней красоты, правильных черт и крепкого мощного тела, ощу-

щалась в нем некая победная уверенность, та аура достоинства и силы, что так приятна женщинам, всегда чарует и покоряет их. Он еще не догадывался об этом; он был еще очень молод и не знал женщин – земных, разумеется.

В углу, уложенная заранее, громоздилась плотно набитая дорожная сумка. Ричард раскрыл ее, покопался среди рубашек, белья и кассет с видами Чимары, вытащил нож в кожаных ножнах и свечу в тайятском подсвечнике из рога скакуна. Чиркнув зажигалкой, запалил свечу, поставил на пол, рядом наискось воткнул обнаженный нож и уселся перед ними в позе лотоса. Дыхание его стало размеренным и едва слышным, тело расслабилось, взгляд перебежал с блестящего серебристого лезвия на трепетный огненный язычок, с ножа на свечу, со свечи на нож, пока не застыл, обратившись куда-то вглубь, к пространствам, где не было ни света, ни тьмы, а лишь успокоительный и не мешавший раздумьям сумрак.

Древнее таинство цехара могло вершиться без стали и огня, олицетворявших холод и жар, лунный и солнечный свет. Но Ричард, погружаясь в медитацию, привык использовать свечу и нож, как делали все в его клане. Назначение медитации могло быть различным: отдых, концентрация сил перед долгим походом, стремление понять себя или других людей, птиц или животных – любое существо, пусть не способное говорить, но обладающее чувствами и крохой разума. Применялся цехара и с иными целями, не столь невинными: он подстегивал метаболизм, обмен веществ и выброс специфических гормонов, дважды и трижды ускорявших жизненный цикл. Конечно, не надолго – но времени хватало, чтоб опытный боец успел перерезать глотки дюжине противников.

Но сейчас Ричард не готовился к бою и не желал вступать в беседы со своим скакуном или охотничьим гепардом, оставшимся в Чимаре. Сны растревожили его, а в этот день предстояло совершить весьма далекое путешествие в сорок с чем-то парсеков – он точно не помнил глубину и протяженность той бездны, что разделяла Тайяхат и Колумбию. Правда, путь будет быстрым, очень быстрым, но на Колумбии все не похоже на Тайяхат – другие запахи, другой воздух, другая земля и даже тяготение другое... Иной мир! Мир, где раскинулись сотни мегаполисов, и каждый из них размером с Орлеан или Бахрампур, а города вроде маленького Смоленска насчитываются тысячами... Там говорят на двадцати языках – на французском и английском, арабском и японском, на иврите и бенгали, на итальянском, корейском и бирманском... Там множество городов, известных ему по рассказам отца, по книгам и видеофильмам, – Нью-Йорк, Рим, Милан и Лондон, Оттава и Токио, Мадрас и Мельбурн, Калькутта и Лос-Анджелес, Кейптаун, Дели, Рангун, сказочная Венеция и сказочный, воспетый Кипплингом Мандалай...

Однако предстоящий вояж скорее вдохновлял Ричарда Саймона, чем тревожил. Вот сны – другое дело... Сны являлись напоминанием о тех временах, когда он был Диком и руки его еще не обагрила кровь.

Он погрузился в цехара, чтоб успокоиться и поразмыслить. А лучший час для такого занятия – рассветный; счастливый час, когда все кажется легким, и даже прощание с жизнью мнится не трагедией, а чем-то вроде сборов в далекий путь, в странствие к тем мирам, что закрыты для Пандуса и еще никем не созданных звездолетов... Правы тайяты с их благим пожеланием: пусть придет к тебе смерть на рассвете!

Но думать о смерти ему было рано. Он размышлял о жизни, о последних семнадцати месяцах, проведенных в лесу.

Как-то, еще в период ученичества у Чочинги, он попытался выяснить, почему мужчины-тай спускаются в лес и в чем смысл той вечной неутрачиваемой войны, что ведется кланами из века в век, из поколения в поколение. Возможно, отец объяснил бы ему это лучше, но Дик всегда стремился к первоисточнику; в конце концов, Саймон-старший был лишь сторонним наблюдателем, а Чочинга – участником драмы, что разыгрывалась в лесах Тайяхата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.